

Дерзкая разбойница

Автор:

Гэлен Фоули

Дерзкая разбойница

Гэлен Фоули

Восхождение #3Очарование (АСТ)

Красавица Даниэла мечтала о справедливости – и решилась, надев маску таинственного «благородного разбойника», напасть на карету самого принца... Отважный принц Рафаэль мечтал обвенчаться с женщиной, которую полюбит всеми силами души, – и не отрекся от своей мечты, даже узнав, что эта женщина – «разбойница» Даниэла... Что же теперь предпочтет дерзкая красавица – сохранить гордость и отдаться в руки правосудия или ответить на страстную любовь мужчины, которого она поклялась ненавидеть?..

Гэлен Фоули

Дерзкая разбойница

Моя корона в моем сердце, а не на моей голове.

Шекспир

Gaelen Foley

PRINCE CHARMING

© Gaelen Foley, 2000

© Перевод. Г. П. Байкова, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Асенсьон, 1816 год

Знаменитый дуэт «La ci darem la mano» заполнил роскошный театр божественным сплетением голосов – тенора и сопрано, – когда величайший любовник всех времен вновь принялся соблазнять простодушную деревенскую девушку Церлину в бессмертном произведении Моцарта.

Но гений великого композитора сегодня не привлек внимания публики. Блеск биноклей и прокатывающийся по залу шепот свидетельствовали о том, что интерес изысканной аудитории сосредоточен не на сцене, а на главной ложе справа от нее, прямо над оркестровой ямой. Перенасыщенная скульптурными изображениями купидонов, урн и лепных лент, ложа эта принадлежала королевской семье.

Он сидел у мраморных резных перил, неподвижный, с бесстрастным выражением на загорелом лице. Свет со сцены отражался от печатки на его пальце, играл на патрицианском лице, золотил длинные волосы, заплетенные в косичку.

Публика не сводила с него глаз. Вот он пошевелился – впервые с того момента, как поднялся занавес, – небрежно открыл плоскую металлическую коробочку, достал оттуда мятную лепешку и положил ее в рот.

Дамы наблюдали, как он сосал лепешку, и краснели, обмахиваясь веерами.

«Господи, какая скука! – думал он, бросая равнодушные взгляды на сцену, где роль Церлины исполняла его любовница. – Как безумно скучно!»

Вокруг него в королевской ложе сидели привилегированные члены его свиты, молодые повесы, разодетые в пух и прах. У них были такие же скучающие лица, как и у их господина, они так же, как и он, равнодушно смотрели на сцену, но в отличие от него все они были вооружены.

– Ваше высочество, – раздался шепот справа.

Не отрывая тяжелого скучающего взгляда от своей любовницы на сцене, кронпринц Рафаэль Джанкарло Этторе ди Фиори поднял украшенную перстнями руку, отстраняя от себя предложенную ему фляжку. У него не было желания пить, так как в этот момент его одолевали тяжелые мысли.

Едва ли Дантов ад с его огнем и серой мог сравниться с этим адом, называемым королевством, где ему не позволялось даже свободно дышать.

Быть сыном великого человека очень нелегко, однако Рэйфу до сих пор как-то удавалось ладить с отцом, который был не только велик, но и, судя по всему, бессмертен. Разумеется, он не желал смерти родному отцу, но в свете того факта, что завтра ему стукнет тридцать лет, было бы глупо не задуматься о своей дальнейшей судьбе.

Время летит, а он все еще никто. И с тех пор как ему исполнилось восемнадцать лет, ничего в его жизни не изменилось. У него были те же друзья, те же развлечения, он так же купался в роскоши, как и десять, и двадцать лет назад.

Он задыхался в той тюрьме, называемой королевством, потому что был игрушкой в руках короля, и не более того. Он не мог сделать и шагу без разрешения этого проклятого сената, который все его действия выносил на голосование, а потом выдавал свое решение. А еще отец, двор и газетчики! Рафаэль иногда думал, что он скорее заключенный, чем принц, и до сих пор еще ребенок, которому не позволяют стать мужчиной. Как же он устал от этого!

Он просил отца, чтобы тот разрешил ему заняться делом, соответствующим его способностям и образованию. Но старый тиран не желал делиться с ним ни каплей королевской власти.

Жизнь его потеряла смысл. С таким же успехом он мог проспать все эти годы в стеклянном гробу и проснуться, когда придет его время стать королем.

Наконец опера закончилась. Кронпринц с приятелями покинул ложу, когда публика еще аплодировала.

Глядя прямо перед собой, он шел по выложенному мрамором фойе, делая вид, что не замечает собравшихся там людей, посылающих ему подобострастные улыбки и готовых бесцеремонно наброситься на него, как это сделала тучная вульгарная матрона, преградившая ему дорогу.

– Ваше высочество, – выпалила она, приседая в таком низком реверансе, что едва не ткнулась носом в пол, – какое счастье видеть вас сегодня вечером! Для меня, моего мужа и моих трех очаровательных девочек будет большой честью, если вы придете к нам на вечеринку...

– Весьма сожалею, мадам, спасибо и всего хорошего, – торопливо ответил он, не замедляя шага.

«Господи, спаси меня от подобной тещи!»

Одному из назойливых газетчиков удалось пробиться к нему сквозь толпу, собравшуюся в фойе.

– Ваше высочество, правда ли, что вы выиграли пари на пятьдесят тысяч лир на прошлой неделе, и правда ли, что во время гонок у вашего фаэтона сломалась ось?

– Убери его от меня, – приказал он своему близкому другу Адриано ди Тадзио.

То один, то другой лорд возникали на его пути и с почтительными поклонами говорили:

– Ваше высочество, как прекрасно пела мисс Синклер! Прошу прощения, но кое-кто из моих друзей горит желанием познакомиться с вами...

В ответ он бурчал что-то себе под нос и проходил мимо, не останавливаясь. Наконец они оказались за кулисами театра.

Гордой походкой, с высоко поднятой головой и неприступным видом Рэйф вошел в гримерную и здесь вздохнул свободно. В комнате было несколько полуодетых женщин, от вида которых поднималось настроение любого мужчины, даже самого пресыщенного. Женщины. Тепло и приятный аромат, исходивший от их тел, помогли ему снять напряжение. С холодной полуулыбкой он внимательно оглядывал их, еще не решив, на ком остановить свой выбор.

– Смотрите! Он пришел!

Освещенная свечами гримерная наполнилась восторженным женским визгом. Они окружили его и начали теребить.

Что-то щебеча и перебивая друг друга, они усадили его в кресло; две актрисы взобрались к нему на колени, хихикая и щекоча ему грудь; другие повисли у него на шее и покрывали его лицо поцелуями.

– Ах! – выдохнул он, впервые за весь вечер улыбаясь, закрыв глаза и лениво развываясь в кресле. Он получал удовольствие от вцепившихся в него рук, от прижавшихся к нему не стесненных корсетами грудей, от щекочущих его лицо локонов. – Я люблю театр.

Он слушал их хихиканье, чувствовал, как их пальчики шарят по его карманам в поисках какой-нибудь безделушки. Он сам испортил их, регулярно преподнося им в подарок ювелирные украшения.

Мягкие губы впивались в его рот. Вскоре он начал возвращать поцелуи, чувствуя, как возрождается к жизни. Лапая женские тела, где ему вздумается, он перепробовал поцелуи каждой из них, но тут пришла Хлоя, и веселье закончилось.

Рэйф наблюдал, как английская дива с самоуверенным видом шла к нему в облегающем серебристом платье.

У его последней игрушки было безупречное тело и сияющая улыбка. Они были любовниками вот уже четыре месяца – рекордный срок для Рэйфа. Теперь он думал, как сказать ей поделикатнее, что она больше не вызывает у него никаких эмоций. Он очень надеялся, что она сама догадается об этом.

Хлоя пришла в ярость, увидев, что сестры по ремеслу облепили ее титулованного покровителя. Сняв с плеч боа, она бесцеремонно растолкала актрис и накинула его на шею Рэйфа, сердито глядя на него, но не осмеливаясь высказаться вслух.

– О, как оно прекрасно на нем смотрится! – воскликнула одна из девушек, завязывая ему боа наподобие шарфа.

– Ему все идет, – вздохнула другая.

Он посмотрел на нее с интересом и вдруг подумал: а он сам был когда-нибудь таким же молодым и впечатлительным?

– Посмотри-ка сюда, принц Рэйф! – позвала его полная брюнетка. И когда он повернулся к ней, она смело задрала подол платья, обнажив округлую ягодицу.

На нежной коже красовалась татуировка в виде буквы «Р». Принц осторожно провел по ней пальцем:

– Какая прелесть, моя кошечка! Повтори мне еще раз свое имя.

– Убирайтесь отсюда, маленькие бродяжки, или я позову управляющего, и он немедленно уволит вас! – в гневе вскричала Хлоя.

Рэйф усмехнулся, наблюдая за действиями своей взбешенной любовницы, но промолчал, когда девушки с поникшим видом стали расходиться. Его друзья останавливали их и заманивали в свои сети.

– Прощайте, прощайте, маленькие потаскушки! – Он насмешливо оглядел высокомерную блондинку. – А теперь ваша очередь, мадам.

Она наклонилась к нему, ухватила за концы боа и потянула их в разные стороны.

– Совершенно верно, – прошептала она, не спуская с него пристального взгляда. – Ты, мой дьявол, пойдешь со мной. Я должна наказать тебя за то, что ты спал во время моей арии. Не думай, что я ничего не видела.

– Я не спал, но ты можешь наказать меня, если считаешь нужным. – Он поднялся, возвышаясь над ней словно башня.

Рассмеявшись, она ухватила за боа и потащила его за собой. Голодный взгляд Хлои обещал ему божественное наслаждение. Впрочем, он предпочитал не замечать того покорного обожания, которое светилось в ее глазах.

– Увидимся около двух часов в клубе, – сказал он своим друзьям, открывая дверь для Хлои, которая наконец стянула боа с его плеч.

– Чао, – взмахнул рукой Адриано, поправляя на лбу черную прядь.

– Желаю приятно провести время, – пожелал Никколо, глупо ухмыляясь.

И тут Рэйф услышал, что кто-то зовет его:

– Ваше высочество! Ваше высочество!

Стоя в дверях, он повернулся и увидел королевского курьера, который протискивался к нему сквозь толпу актрис. Он моментально напрягся, сдерживая негодование.

«Послание от короля!»

Пока курьер пробирался к нему, Рэйф глубоко втянул в себя воздух и медленно выдохнул его – он был человеком, который умеет держать себя в руках. Его отец быстро впадал в ярость, поэтому принц гордился тем, что в любой ситуации может сохранять хладнокровие.

– Как сегодня чувствует себя мой дорогой отец? – спокойно спросил Рэйф с едва заметной иронией.

– Его величество зовет вас к себе, ваше высочество, – ответил курьер кланяясь.

Рэйф посмотрел на него долгим взглядом. На лице его была вежливая улыбка, а зеленые глаза потемнели от гнева.

– Скажи королю, что я зайду к нему завтра в полдень. После того как позавтракаю.

– Прошу прощения, ваше высочество, – пролепетал курьер, снова кланяясь, – король настаивает, чтобы вы явились немедленно.

– К чему такая спешка?

– Я не знаю, синьор. Его величество прислал за вами карету.

– У меня есть своя карета, – процедил Рэйф, догадываясь, что отец специально прислал за ним экипаж, наверняка прослышав о его пьяных гонках в прошлую среду, слухи о которых тут же распространились по городу.

Вне всякого сомнения, причиной такого экстренного вызова было желание отца устроить ему разнос и, как всегда, перечислить его многочисленные проступки, недостойные будущего короля, напомнить ему, что он человек безответственный, легкомысленный и дело кончится тем, что придворные сожрут его живьем, и так далее и тому подобное.

У него сегодня не было настроения выслушивать очередную нотацию.

А тем временем его друзья, любовница и очаровательные молодые обожательницы с любопытством следили за их разговором, ожидая, чем это все закончится.

Он снова оказался перед выбором: либо настоять на своем, либо, как обычно, покорно исполнить волю отца.

– Я немедленно отправлюсь к его величеству, но воспользуюсь своей каретой.

– Как вашему высочеству будет угодно. – Курьер не смог скрыть облегчения и стал пятиться, низко кланяясь.

Повернувшись к своей любовнице, Рэйф галантно поцеловал ей руку, хотя мыслями в этот момент был уже за миллион миль от нее.

– Приношу свои извинения, моя конфетка.

– Все в порядке, дорогой, – промурлыкала она, лаская его руку и многозначительно глядя ему в глаза. – Ты получишь свой подарок завтра, в день рождения.

– Не могу дождаться, когда увижу его, – прошептал он с понимающей улыбкой.

Рэйф зашагал по коридору, думая о жестокости отца, хотя ему давно пора было привыкнуть к этому и перестать удивляться.

Когда он вышел на улицу, богато украшенная золоченая карета, которую король, чтобы лишний раз унижить его, прислал за ним, только что отъехала от крыльца. Неподалеку стояла его новая карета, с панелями красного дерева и упругими рессорами, изготовленная лучшим каретным мастером королевства и обошедшая ему в целое состояние.

Направляясь к ожидавшему его экипажу, Рэйф вдыхал душистый морской воздух, его взор скользил по гряде невысоких гор, возвышавшихся вдали и опоясывающих остров, который вот уже семьсот лет принадлежал его семье.

Перед ним, освещенный лунным светом, простирался портовый город; его дома были построены на террасах, спускающихся со склона горы. Фонарные столбы на набережной освещали тусклым светом стройные пальмы, раскачивающиеся от ночного ветерка. Он повернулся, подставляя чисто выбритое лицо ночному бризу, и его взгляд скользнул по кустам пурпурных олеандров, росших среди валунов, огораживающих пляж.

Он посмотрел на вытянувшиеся вдоль пляжа магазины с раскрашенными вручную вывесками. Дома на верхних уступах террас с маленькими резными балконами из кованого железа смотрели фасадами на гавань и каменистый пляж. Дверные проемы были увиты тяжелыми гроздьями белого жасмина, сладкий аромат цветов заглушал рыбный запах, доносившийся с рынка, расположенного на берегу моря.

– Асенсьон! – прошептал он с такой нежностью, как будто это было не название острова, а имя его возлюбленной. Этот волшебный остров был его наследством. Он знал, что не за горами тот день, когда он станет правителем этой жемчужины Средиземноморья. И ради этого Рэйф готов был вынести любое унижение, которому подвергал его король. Он хотел быть хорошим правителем, но, пока жив его отец, он может об этом только мечтать.

Сейчас его считают «несчастьем» королевской семьи. Но когда-нибудь он всем покажет, на что он способен.

Вздыхнув, Рэйф сел в карету, и грум закрыл за ним дверцу. Принц стукнул в стенку экипажа, и лошади тронули. Быстро миновав маленький портовый город, карета свернула на королевскую дорогу, которая вилась по склону холма, направляясь к столице государства Белфорту.

Здесь Рэйф внезапно вспомнил, что, уезжая, забыл предупредить своих телохранителей. Ничего страшного. Они сами догадаются и нагонят его. Во всяком случае, он в них не нуждается. Постоянное сопровождение из шести огромных головорезов было еще одним напоминанием, что пока он не кто иной, как изнеженный королевский узник.

Он грустно смотрел из окна кареты на мелькавший за окном пейзаж. Окрашенное в свете луны в цвета серебра и индиго, его королевство проплывало вдоль дороги, как проплывала мимо него вся его жизнь.

Черт бы побрал эти дни рождения, подумал он. Когда он станет королем, то первым делом их отменит.

Освещенная луной, королевская дорога голубой лентой убегала вдаль. В напряженной тишине они наблюдали за ней из леса, и каждый спрашивал себя,

увенчается ли успехом их ночное бдение. Вот мимо них проехала позолоченная королевская карета. Прошло немного времени, и вдали показался роскошный экипаж, запряженный четверкой гнедых лошадей.

– Выглядит заманчиво, – прошептал Матео, и в этот момент раздался крик совы – это Джанни подал им сигнал.

Всадник-в-Маске кивнул и жестом приказал своим друзьям рассредоточиться и быть готовыми к нападению.

Бандиты бесшумно растворились в ночи.

Колесо попало в яму, и карета подпрыгнула на новых рессорах. Рэйф раздраженно поморщился и только собрался отчитать кучера за неосторожность – ему не хотелось снова выкладывать за рессоры кучу денег, – как внезапно услышал крики и ржание лошадей.

В ночной тишине раздалось ружейные выстрелы.

Рэйф нахмурился, выглянул в окно, сердце его бешено забилося.

«Будь я проклят! Всадник-в-Маске. – На его лице появилась дьявольская усмешка. – Наконец-то мы встретились».

Он увидел, что разбойников много, но в докладах, которые он регулярно получал, неоднократно подчеркивалось, что этот грабитель никогда не убивает людей, и поэтому принц был скорее заинтригован, чем встревожен. К тому же его собственная безопасность охранялась королевским законом. Он открыл ящик, спрятанный под сиденьем, и достал оттуда пистолеты, уже заряженные и готовые к бою. Один из них он засунул в карман, а на втором взвел курок и ехидно улыбнулся: «Нахальный маленький ублюдок, ты и не догадываешься о том, какой сюрприз тебя ожидает».

Он давно уже с интересом следил за «подвигами» дерзкого разбойника, прозванного в народе Всадником-в-Маске, по сообщениям в газетах, которые во всех подробностях описывали его похождения. Он смеялся каждый раз, когда

молодой разбойник грабил его приятелей, хотя жертвы грабежа не видели в этом ничего смешного.

Даже люди короля, облеченные властью, не могли поймать Всадника-в-Маске и его банду. Зато простые люди острова обожали молодого разбойника, который, судя по всему, грабил только богатых и одаривал бедных.

Рэйф пришел к выводу, что у парня есть свой стиль. Именно поэтому он не сомневался, что неуловимый Робин Гуд никогда не осмелится ограбить наследника престола и выставить его на посмешище. У принца и без того было полно проблем, так как люди не одобряли его дикие выходки.

Сознание того, что королевские телохранители вот-вот его догонят, вызвало на лице Рэйфа злую усмешку.

Подняв пистолет, он распахнул дверцу кареты и приготовился к атаке.

А в это время Всадник-в-Маске приказал кучеру остановиться.

Верхом на длинноногом жеребце, истинный цвет которого был скрыт под слоем сажи, Всадник-в-Маске вместе со своей бандой подскакал к карете и схватил одну из лошадей под уздцы. Кучер направил на разбойника пистолет, но тот не обратил на это внимания, поскольку сам был безоружен и не собирался проливать чужую кровь.

Лошади уже почти остановились, но в это время дверца кареты распахнулась, и в проеме показалась внушительная мужская фигура.

– Стоять! – последовала команда, и следом раздался выстрел.

Разбойник не испугался выстрела и наклонился к лошади, пытаясь остановить карету.

– Дэн! – в ужасе вскрикнул Матео.

Конь разбойника заржал и встал на дыбы, почувствовав запах крови.

– Поворачивайте назад! Поворачивайте назад! – закричал Алви.

– Не смейте убегать! Не обращайтесь на меня внимания! Приступайте к делу! – в ярости закричал юноша, пытаясь удержать испуганного коня.

– Тпру! Стоять, мерзкая кляча! – Поток проклятий, которым ее никогда не учили в монастырской школе, слетел с губ леди Кьярамонте, когда лошадь бросилась в кусты.

Ее плечо и рука горели как в огне. «Он ранил меня!» – возмутилась она, стараясь не стонать от боли. Она не могла в это поверить. До сих пор еще никто никогда в нее не стрелял.

Горячая кровь струилась по ее руке, и она с трудом удерживала запаниковавшую лошадь, вознамерившуюся перескочить через насыпь, ограждавшую дорогу. Наконец она подчинила себе животное, и оно, тяжело дыша, остановилось. Теперь она смогла осмотреть свою раненую руку. Рана кровоточила и чертовски болела. Она едва не потеряла сознание, но с облегчением вздохнула, обнаружив, что пуля лишь слегка содрала кожу.

– Этот подонок подстрелил меня! – не переставала она удивляться.

Синьорита Кьярамонте посмотрела на дорогу и увидела, что братья Габбиано – ее мужчины, если их можно было считать таковыми в столь юном возрасте, – остановили карету и, погасив на ней фонарь, копошились в темноте.

Кучера сбросили на землю, и Алви приставил к его груди шпагу. Ее возмутило, что кучер молил о пощаде. Неужели этот человек считает их головорезами? Всем хорошо известно, что Всадник-в-Маске никогда никого не убивает. Случалось, что они оставляли какого-нибудь щеголя привязанным нагишом к дереву, но никогда не проливали кровь.

«Нельзя изменять своим принципам», – подумала она, глядя, как Матео и Рокко, сидя на лошадях, шпагами удерживают в карете высокого стройного пассажира. Даже на расстоянии было видно, что их пленник может отлично постоять за себя.

К счастью, ее мужчины отняли у него оружие. Он стоял с поднятыми руками, а два его пистолета валялись на пыльной дороге. Ее банда не убивает безоружных людей, однако Матео слишком горяч и при любом оскорблении может затеять шумную ссору, а гигант Рокко сам не знает своей силы. Они защищали ее, словно были ее родными братьями. Дэни не хотела, чтобы хоть один из них пострадал. Она потеряла бровь, натянула на лоб капюшон с прорезями для глаз и заправила под него волосы, чтобы никто не мог ее опознать. Удовлетворенная, она пришпорила коня и выехала на дорогу. Ей не терпелось узнать, кто на этот раз попался в ее сети и какая добыча ее ожидает.

Хотелось бы надеяться, что она будет достаточно большой, чтобы заплатить очередной налог на поместье и накормить людей, пострадавших от засухи.

Выхватив легкую сверкающую шпагу, она направила лошадь к карете. Матео и Рокко расступились, пропуская ее.

– С тобой все в порядке? – спросил Матео, старший из друзей детства.

Сердце ее замерло от страха, когда она увидела высокого сильного пленника, но она гордо вздернула голову и крепко вцепилась в поводья, чтобы никто не видел, как дрожат ее руки.

– Просто превосходно, – ответила Даниэла, подъезжая ближе.

Подняв шпагу, она прижала ее к подбородку пленника.

– Так, кто у нас здесь? – громко спросила она.

Было слишком темно, чтобы разглядеть его как следует, но в серебристом свете луны поблескивали рыжеватые пряди длинных волос, заплетенных в косичку, был виден широкий лоб, нос с горбинкой и крепко сжатый сердитый рот. Высоко подняв голову, он смотрел на нее с легким презрением. Было слишком темно, чтобы определить цвет его глаз.

– Ваша пуля попала в меня, – сказала она с упреком, наклонившись к нему из седла. Дэни чувствовала, что не должна показывать ему своего страха. – Вам повезло, что она лишь слегка оцарапала руку.

– Если бы я хотел вас застрелить, вы были бы уже мертвы. – Его мягкий баритон был похож на мурлыканье и подействовал на нее как шелк на кожу.

– Ха! Какая самоуверенность! Тоже мне, меткий стрелок! – хмыкнула она. – Мне даже не больно.

– А ты, мальчик, не умеешь лгать.

Дэни выпрямилась в седле и внимательно посмотрела на него. Ей пришлось признать, что он достойный противник. Он был силен и крепок, это было видно по его фигуре, но что-то в нем ее настораживало. Почему он так легко сдался? Его пистолеты были вне пределов досягаемости, но в глазах светилось вероломство, а это означало, что он что-то задумал.

Дэни хотелось узнать, не был ли он одним из приближенных принца Рэйфа, этого эгоиста и дамского угодника. Она была абсолютно уверена, что где-то раньше видела его. Здравый смысл приказывал ей выяснить это немедленно, но она нуждалась в деньгах и потому легкомысленно отмахнулась от голоса разума.

Она презирала таких людей, высокомерных, одетых с небрежной элегантностью, как этот, в вечернем костюме и до блеска начищенных ботинках. Один его модный темно-зеленый фрак по стоимости, наверное, равен ее полугодовому налогу. Она посмотрела на его ухоженные руки, которые он медленно опустил, придя, очевидно, к выводу, что она не представляет для него никакой угрозы.

– Ваше кольцо, – приказала она, – отдайте его мне!

Пленник стукнул себя по бедру увесистым кулаком.

– Нет! – рявкнул он.

– Почему нет? Это что, ваше обручальное кольцо? – Голос ее был полон сарказма.

Он прищурился и посмотрел на нее таким взглядом, как будто был бы счастлив вырвать из ее груди сердце, если бы у него была такая возможность.

– Ты пожалеешь о своей наглости, мальчик, – проговорил он с угрозой. – Ты, похоже, не знаешь, с кем связался.

Оказывается, этот щеголь еще не понял, в какое положение попал. Улыбнувшись его наивности, Дэни дотронулась шпагой до его щеки.

– Заткнись, павлин!

– Твоя молодость не спасет тебя от виселицы!

– Сначала им придется меня поймать.

– Ишь расхвастался. Твоему отцу следовало бы выпороть тебя как следует.

– Мой отец умер.

– Настанет день, и я выпорю тебя вместо него. Это я тебе обещаю.

Он еще смеет угрожать ей! Дэни завела острое шпаги ему под подбородок, заставив поднять голову и почувствовать холод металла. Щеголь еще крепче сжал челюсти.

– Я хочу ваш блестящий перстень, синьор. Дайте его мне!

– В таком случае тебе придется убить меня, мальчик, – блеснув в улыбке белыми зубами, ответил пленник.

Он что, сумасшедший? Освещенный голубым лунным светом, он выглядел огромным и сильным, но даже пальцем не пошевелил, чтобы остановить ее. «Может быть, он просто не умеет драться», – подумала Дэни, успокаивая себя. Эти богатые щеголи никогда не марают своих рук. Но даже одного взгляда на его стройное, пропорционально сложенное тело было достаточно, чтобы усомниться в таком предположении.

Здесь определенно что-то не так.

– Начинаешь трусить, мальчик? – ехидно спросил он.

– Замолчи! – рявкнула она, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией. Абсурд! Он просто позер, и она его не боится.

Рокко, ее верный друг, с тревогой посмотрел на нее.

– Нагружайте пони, – приказала она, испытывая внезапное раздражение. Похоже, пленник понял, что она не собирается его убивать, хотя, видит бог, он этого заслуживает. Ее раненая рука горела огнем. Она просунула голову в карету, чтобы поторопить Алви:

– Ну, как там дела?

– Он богат! – в восторге воскликнул Алви, протягивая ей набитый мешок. – Сказочно богат! Дайте мне другой мешок!

Когда Матео доставал мешок из-под седла, Дэни заметила, что ее пленник украдкой бросил взгляд на дорогу.

– Ждете кого-нибудь? – поинтересовалась она.

Он отрицательно качнул головой, и Дэни поймала себя на том, что не может отвести взгляда от его соблазнительных губ, на которых играла загадочная полуулыбка.

Внезапно тишину ночи разорвал пронзительный крик.

– Бежим! – Младший из братьев Габбиано, десятилетний Джанни, мчался к ним, размахивая руками. – Солдаты! Они приближаются! Бежим!

Открыв от изумления рот, Дэни вперилась взглядом в пленника. Он ответил ей торжествующей улыбкой.

– Ублюдок, – прошипела она. – Ты специально задержал нас здесь!

– Шевелитесь, шевелитесь! – торопил братьев Матео.

– Скорее! – снова завопил Джанни. – Они будут здесь через минуту!

Дэни бросила взгляд на дорогу. Ее конь был самым быстрым, и она решила посадить мальчика на свою лошадь и улепетывать во все лопатки, пока солдаты не накрыли их. Ребенку здесь не место, она это знала. Десятки раз она запрещала Джанни следовать за ними, но он ее не слушался, и тогда она согласилась взять его с собой, объяснив, что им необходим сигнальщик.

– Черт с тобой, павлин, – буркнула она, отпуская пленника.

Она тронула своего коня, Рокко вскочил на своего, а Алви и Матео, взяв по мешку с деньгами, взобрались на спины пони.

Маленький мальчик бежал к ним, протягивая руки. Обернувшись, Дэни краем глаза увидела, как огромный мужчина поднял с дороги пистолет и прицелился в Матео.

– Матео! – закричала она, разворачивая коня и направляя его на пленника.

Раздался выстрел. Мужчина двигался с удивительным проворством, учитывая его внушительные габариты. Он схватил ее, пытаясь стащить с коня. Она закричала и ударила его. Матео развернул пони и поспешил ей на помощь.

– Я сама о себе позабочусь! Присмотри лучше за братьями.

Матео колебался.

Солдаты приближались.

– Уходим! – крикнула она, ударив пленника ногой в широкую грудь. Он с проклятиями отступил на шаг.

Увидев это, Матео направил своего пони к Джанни, чтобы посадить его к себе в седло.

Когда Матео отъехал, пленник снова попытался стащить Дэни с седла. Она вцепилась в гриву, чтобы удержаться, но мужчина был намного сильнее ее, и она чувствовала, что не сможет долго сопротивляться.

Сильным рывком он выдернул ее из седла. Освободившись от седока, лошадь, громко заржав, усккала в лес.

Дэни вскрикнула в бессильной ярости, обнаружив, что стоит на дороге в крепких объятиях своего пленника. Он был высоким и широкоплечим. Вблизи он оказался гораздо выше, чем это показалось ей с высоты лошадиного крупа. Его косичка растрепалась; он был свиреп и огромен и походил на какого-то первобытного дикаря, несмотря на свой элегантный фрак.

– Ах ты, маленькое дерьмо! – выпалил он прямо ей в лицо.

– Отпусти меня! – вскричала Дэни, пытаясь вырваться. – Будь ты проклят!

– Попался? – Он встряхнул ее. – Ты хоть понимаешь, что тебе грозит?

Рванувшись, Дэни наотмашь ударила его по лицу, и он ослабил хватку. Она вырвалась из его рук и помчалась к насыпи. Он от нее не отставал.

Ее сердце бешено стучало в груди, когда она продиралась сквозь кустарник, росший вдоль дороги. Она увидела, как Матео подхватил на скаку Джанни и понесся во весь опор в сторону дома.

И в этот момент бывший пленник схватил ее за талию и повалил на землю, сжав ей горло согнутой в локте рукой.

«Ненавижу мужчин!» – в ярости подумала она и закрыла глаза, чтобы не видеть лица этого негодяя.

– Лежи спокойно! – рявкнул он, навалившись на нее всем телом, которое жгло ее, словно раскаленный утюг.

Отдышавшись, Дэни начала бешено вырываться, осыпая его проклятиями.

– Отпусти меня, подонок!

– Успокойся! Ты попался, черт побери! Сдавайся!

Рэйф, уклоняясь от ударов мальчишки, ликовал – наконец-то он поймал этого дерзкого разбойника! Молодой, а уже такой ловкий. Юноша продолжал сопротивляться.

– Успокойся, – снова прошипел Рэйф.

– Иди к черту! – В голосе юноши слышался страх.

Рэйф крепче прижал бандита к земле.

– Лежи тихо! – Он бросил через плечо взгляд на дорогу и увидел приближающихся к нему солдат. – Сюда! – крикнул Рэйф. – Я ведь обещал, что тебя повесят, – ухмыльнулся он.

– Нет, вы говорили, что меня утопят или четвертуют...

– Ради бога, утихомирься, – приказал Рэйф, перехватив сжатую в кулак руку.

Внезапно мальчик затих и изумленно уставился на его перстень-печатку.

– Вы... – охрипшим голосом произнес он.

– Да, разбойник. Наконец-то догадался, кто я такой?

Светлые глаза под маской смотрели на него с ужасом. Рэйф самодовольно рассмеялся, но внезапно замолчал. Он уловил слабый запах, и инстинкт подсказал ему, что здесь что-то не так.

– Как твое имя, мерзкий мальчишка? – потребовал он ответа, пытаясь стянуть черную маску с лица разбойника.

Внезапно произошло неожиданное. Вообще-то Рэйфу следовало это предвидеть. Грязный, окровавленный маленький дикарь ударил его коленом в пах, в то место, которым короли дорожат больше всего на свете. Принц задохнулся от боли и ослабил хватку. Мальчик толкнул его в плечо, перекатился на бок и, вскочив на ноги, скрылся из виду.

Корчась от боли, Рэйф приказал охране отправиться на поиски дерзкого мальчишки.

Но мальчика уже и след простыл.

Глава 2

Дэни, слыша за спиной крики погони, мчалась по лесу, по узкой оленьей тропе, продираясь сквозь заросли вереска, не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветви, спотыкаясь о поваленные бревна, и сердце ее трепетало от ужаса. Стук лошадиных подков на дороге отдавался громом в ее ушах.

Сквозь деревья она видела солдат, бегущих за ней.

«Только бы успеть», – думала она, углубляясь в лес, и вдруг обнаружила, что солдаты изменили направление и погнались за Матео и его братьями.

Она увидела свою лошадь пасущейся в пшеничном поле недалеко от дома. С бешено бьющимся от страха сердцем, она дрожащими руками схватила ее за уздечку, вскочила в седло и быстрым галопом поскакала к заржавевшим воротам и далее по пыльной подъездной дороге, по обеим сторонам которой росли высокие тополя.

За конюшней у нее было припасено полбадьи воды, чтобы смыть сажу со шкуры ее коня. Ни Матео, ни его братьев в доме не оказалось.

«Господи, – взмолилась она, – спаси их! Может, они и не так хороши, но они все, что у меня есть».

Габбиано были ей как родные братья с тех пор, как ей исполнилось девять лет. В ту пору она была девочкой с мальчишескими замашками и другие маленькие девочки не хотели с ней играть.

Она отвела лошадь в стойло, вымыла ее, напоила и побежала в дом. Мария уже спешила ей навстречу.

– Мальчики скоро прибегут! – успокоила ее Дэни. – Да, и приготовь что-нибудь поесть, – добавила она. – У нас скоро будут гости.

Опыт научил ее, что солдаты поверят во все, что она скажет, если будет вести себя скромно и набьет их желудки едой и вином. Это в прошлом не раз спасало ее, хотя в их буфете были весьма скромные запасы.

Когда Дэни повернулась, чтобы подняться наверх, в свою комнату, и вновь превратиться из мальчика вне закона в приветливую хозяйку поместья, Мария за ее спиной испуганно воскликнула:

– Синьорита! Вы ранены!

– Не обращай внимания! У нас нет времени!

По узкому коридору Дэни поспешила в свою комнату. Задернув шторы, она стянула с себя душную черную маску, и каскад волнистых волос упал на ее плечи.

Дэни сняла рубашку и осторожно промыла рану. К счастью, она больше не кровоточила. Вид крови напугал ее, но не так сильно, как сознание того, кого она ограбила, а также мысль о том, что может случиться с ее мужчинами, если она позволит солдатам Рэйфа их найти.

Она сняла бриджи и мокрым полотенцем стерла с тела пот и дорожную пыль. Затем надела нижнюю юбку, простое рабочее темно-бежевое платье из грубой полушерстяной ткани, поношенные туфли и дрожащими руками кое-как собрала волосы в пучок. Спустившись вниз, Дэни надела фартук и обратилась к Марии:

– Они уже здесь?

Мария мрачно покачала головой.

«Их не должны поймать».

– Они будут здесь с минуты на минуту. Я в этом просто уверена. Пойду проведаю дедушку.

Стараясь сохранять спокойствие, Дэни скромно сложила на животе руки, хотя сердце ее учащенно билось от страха за своих друзей. Глубоко вздохнув, она направилась в спальню дедушки. Он спал при свете тоненькой свечки, которую оставила для него Мария, так как, просыпаясь в темноте, начинал кричать от ночных кошмаров. Он, великий герцог Кьярамонте, когда-то командовал целой армией, а сейчас нуждался в уходе, как маленький ребенок.

Стоя на пороге его спальни, Дэни смотрела на аристократический профиль, длинный прямой нос, огромные усы и высокий морщинистый лоб. Тихо закрыв дверь, Дэни подошла к кровати и положила ладонь на его худую старческую руку. Она пыталась побороть обуревающий ее страх, но ее мучили дурные предчувствия и очень болела рука.

Принц Рафаэль.

Великий падший ангел. Король и королева произвели на свет сына, похожего на Бога, с безупречной грацией, с улыбкой ясной, как голубое небо, – и сердцем злым и вероломным. Принц-повеса был красив, красноречив, бесшабашен, и женщины сходили по нему с ума. Грабя глупых богачей из его окружения, Дэни постепенно смогла узнать все об этом негодяе и его друзьях.

Газеты обозначали его просто буквой «Р». Они писали, что он пьет, играет в карты, тратит огромные деньги на прекрасные, но бесполезные вещи, такие, как картины, произведения искусства, которыми он заполнил свой дворец на краю города, коллекционирует ювелирные шкатулки. Он дерется на дуэлях. Ругается. Он волочит за девственницами и пожилыми женщинами, стараясь очаровать всех, и никого не воспринимает всерьез. Он громко хохочет и подшучивает над всеми; он часто по вечерам плавает вокруг острова на своей роскошной яхте, гикая, словно дикарь, и обнаженный до пояса. Он посещает дома с плохой репутацией и пугает ночных сторожей, когда под утро возвращается с друзьями домой.

Но несмотря на все его недостатки, во всем королевстве не было женщины, которая не мечтала бы стать принцессой хоть на один день. Даже Дэни несколько бессонных ночей проворочалась в постели, думая о нем после единственного случая, когда ей выпала возможность случайно увидеть его во время их с Марией поездки в город, чтобы пополнить запасы зерна. «Что он за человек? – думала она. – Какой он на самом деле? В чем причина его бесшабашного поведения?»

Окруженный телохранителями, он выходил из дорогого магазина, поддерживая под локоток сногшибательную блондинку, увешанную бриллиантами, которые она только что получила от него в подарок. Наклонив к ней голову, принц внимательно слушал, что она шептала ему, и весело смеялся над ее словами.

Потратив на покупки свои жалкие полпенни, Дэни и Мария стояли на тротуаре настолько близко к ним, что могли потрогать дорогую одежду этой блистательной пары, пока принц и блондинка шли к ожидавшей их карете, перекрывшей все движение на улице.

Дэни поморщилась, вспомнив, как она склонилась в реверансе чуть не до земли, когда они проходили мимо, и, встретив его взгляд, почувствовала, как бешено забилося ее сердце. Ей даже показалось, что она влюбилась в него. Впрочем, не стоит забывать, что этого королевского отпрыска не волнует ничего, кроме удовольствий. И ко всему прочему у него хватило наглости выстрелить в нее – в женщину! – так что теперь ей придется расстаться со своими фантазиями. В этом мире женщина может рассчитывать только на себя.

Крик с улицы оборвал ее мысли.

«Наконец! Слава богу, с ними все в порядке!»

Дэни выбежала из спальни дедушки и бросилась к окну, но при виде открывшейся перед ней картины кровь застыла в ее жилах.

Матео, Алви, Рокко и маленькому Джанни удалось добежать до ее владений, но солдаты настигли их у ворот, окружили, выбили из седел и повалили на землю.

Один из солдат прижал дуло пистолета к затылку Алви. Другой сшиб с ног мальчика, и Дэни, зная горячий нрав Матео, поняла, что он будет драться до последнего, чтобы спасти брата, и при этом скорее всего погибнет сам.

Оторвавшись от окна, она выбежала из комнаты и кубарем скатилась с лестницы. Вне себя от ярости, она, распахнув дверь, выскочила во двор, но было уже слишком поздно.

Солдаты принца уже арестовали Матео и его братьев. Они не пощадили даже ребенка.

Дэни происходила из старинного рода, почти такого же знатного, как род принца, и сейчас чувствовала, как гордая кровь герцогов и маркизов бурлит в ее жилах.

«Ускользнул, маленький негодяй, – злился Рэйф, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься в погоню за разбойником. – Маленький головорез! Маленький дикарь! – ругался принц, поднимаясь с земли. – Ну погоди, я еще доберусь до тебя, негодник».

Никто не смел оскорбить Рафаэля ди Фиори и при этом остаться безнаказанным. Отряхивая одежду от пыли и мусора, он поморщился, увидев грязные пятна на белых панталонах, затем спустился с насыпи и шагнул на дорогу.

– Ваше высочество, с вами все в порядке? – испуганно спросил один из оставшихся с ним телохранителей.

– Все прекрасно! – рявкнул он, забыв о том, что принцу не подобает терять над собой контроль. Не обращая больше на них внимания, он направился к карете, рядом с которой стоял один из солдат.

– Они должны быть пойманы! Вам ясно? – прорычал он. – Я хочу, чтобы к утру они были за решеткой! Надеюсь, мне не придется ловить их самому? Ты! – крикнул он своему телохранителю. – Я забираю твоего жеребца! Садись в карету и следуй за мной!

– Д-да, ваше высочество, – испуганно пробормотал тот, а другой телохранитель вскочил на коня и отправился вслед за Рэйфом.

– Отпустите их, я сказала! – закричала Дэни, задыхаясь от пыли, которую подняли копыта лошадей. – Убирайтесь с моей земли!

Одному из солдат удалось схватить ее за руку, чтобы она не смогла оказать помощь своим людям.

– Не так быстро, синьорита!

– Что все это значит? – потребовала она ответа, отталкивая солдата.

– Осторожно, госпожа! Это очень опасные люди!

– Не говорите глупостей! Это деревенский кузнец и его братья. Похоже, вы приняли их за бандитов!

– Никак нет, госпожа. Они разбойники с большой дороги, и мы застали их на месте преступления.

– Этого не может быть! – с ехидной усмешкой заметила Дэни.

К ней подошел хмурый сероглазый мужчина. По знакам отличия на его форме Дэни поняла, что это капитан королевской гвардии – человек, прославившийся своей жестокостью.

«Да поможет нам Бог!» – взмолилась она.

– Вы не могли бы объяснить нам, госпожа, как они здесь оказались? – подозрительно спросил он.

– Мы решили сократить дорогу, только и всего! – огрызнулся Матео.

Капитан скептически посмотрел на него, затем снова повернулся к Дэни:

– А кто вы такая, синьорита?

– Я герцогиня Даниэла Кьярамонте, внучка герцога Кьярамонте, и вы незаконно нарушили границы наших владений! – Дэни гордо вздернула подбородок.

Она с удовлетворением заметила, что при упоминании имени деда кое-кто из солдат посмотрел на нее взглядом, полным благоговейного страха.

– Идите в дом, синьорита, мы сами разберемся, – процедил Матео.

– Он прав, госпожа. Вам лучше вернуться домой, – посоветовал сероглазый капитан. – Они опасные преступники, и сам принц Рафаэль приказал мне их арестовать.

– Но при чем здесь мальчик? – в отчаянии крикнула Дэни, указывая на Джанни. Взглянув на ребенка, она увидела, что он дрожит от страха, наблюдая за их пререканием. Мальчишка придвинулся поближе к Матео.

Капитан посмотрел на ребенка, о чем-то размышляя, но в это время дверь распахнулась, и из дома вышла Мария с фонарем в руке. Домоправительница подняла фонарь и бесстрашно посмотрела в лицо огромного мужчины. Затем обняла Дэни за талию.

Капитан поклонился:

– Госпожа.

– Что здесь происходит? – потребовала ответа Мария, увидев, что на Матео, Рокко и Алви надевают наручники. – Мы не хотим неприятностей.

В это время у заржавевших ворот послышался топот копыт. Дэни обернулась. Ее тело налилось свинцом, когда она увидела высокого всадника верхом на огромном белом коне.

– Санта-Мария! – выдохнула экономка. – Неужели это тот, о ком я думаю?

Принц Рафаэль легким галопом проехал через внутренний двор, затем резко осадил коня, подняв облако пыли перед группой людей, испуганно смотревших на него. Не взглянув на Дэни и Марию, он сердито оглядел солдат, словно пересчитывая их, после чего пристально взгляделся в заросли густых деревьев и наконец остановил холодный взгляд на братьях Габбиано.

– Где он? – рявкнул принц, с трудом сдерживая ярость.

Дэни закрыла глаза, приготовившись к самому страшному: она знала, принц не остановится ни перед чем, пока не добьется своего.

– Я жду! – угрожающе прорычал он.

Братья молчали. Дэни открыла глаза. Она – та, кого он искал. Она была уверена, что мальчики никогда ее не выдадут, даже под страхом смерти. Совесть и преданность друзьям требовали от нее сделать шаг к принцу и попытаться спасти их, приняв всю вину на себя. Но она удержалась от этого шага, зная, что если попадет в тюрьму вместе с ними, то их уже ничто не спасет.

А она не сомневалась, что сумеет им помочь. Она вовлекла их в это дело – значит, должна и выручать.

– Где он? – рявкнул принц так грозно, что его жеребец даже вздрогнул.

– Убежал, – ответил Матео.

Дэни бросила взгляд на ворота и увидела, что по подъездной аллее к ним с грохотом приближается карета принца. Его высочество продолжал допрашивать Матео:

– Куда убежал?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Матео.

Принц поднял кнут, чтобы отхлестать Матео за оскорбительный тон, каким он позволил себе говорить с наследником престола, но, передумав, опустил. Он оглядел своих людей.

– Вы двое, затолкайте этих негодяев в карету и отвезите в тюрьму!

– Этого тоже, ваше высочество? – спросил капитан, хватая Джанни за руку.

– Всех! – решительно заявил принц. – Еще один пока на свободе. Главарь. Мальчишка лет восемнадцати. Он убежал с огнестрельной раной в правом предплечье. Он, я уверен, прячется где-то в лесу; там же вы найдете и мое золото, так как у этих бандитов его нет. Кстати, господа, если кто-нибудь из вас посмеет украсть мое золото, имейте в виду: вас ждет такое же суровое наказание, как и этих мерзавцев. Отправляйтесь!

Мужчины нерешительно посмотрели друг на друга.

– Отправляйтесь, черт побери, иначе он убежит!

Дэни и Мария от его крика аж подскочили. Дэни дрожала. Мария бросила на нее испуганный взгляд, так как видела ее раненую руку. Она, конечно, знала о ее незаконной деятельности.

– Госпожа, пожалуйста, расскажите моей матери, что случилось! – крикнул ей Матео, пока его братьев тащили к карете, которую они ограбили. Его темные выразительные глаза полыхали от ненависти.

Дэни было странно слышать, что он называет ее госпожой из-за присутствующих здесь мужчин.

– Не беспокойся, – пообещала она, вспомнив о том, что она хозяйка поместья. – Это недоразумение, и я абсолютно уверена, что оно скоро прояснится.

– Кто вы такая? – внезапно спросил принц, впервые обратив на нее внимание. Высокомерный, как Люцифер, он возвышался над ней на жеребце, и ей пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо.

Мария крепче обхватила ее за талию, словно хотела предупредить, что этому человеку грубить не следует, хотя высокомерие принца было оскорбительным для столь знатной дамы, как Дэни.

– Я хозяйка этого дома и с таким же успехом могу задать вам тот же вопрос, так как вы нарушили границы моих владений.

– Вы не знаете, кто я? – удивленно спросил он.

– Разве мы встречались?

Его глаза сузились. Принц посмотрел на нее так, словно она была букашкой. Он высокомерно оглядел ее поношенные туфли, грязный фартук и неожиданно перехватил откровенно вызывающий взгляд.

Его высокомерие чуть не заставило ее рассмеяться. Вместо этого, скрестив на груди руки, она посмотрела на него с холодным презрением, хотя ее сердце разрывалось от гнева и отчаяния. Это все, что она могла сделать в данный момент.

Он привык к дамам в шелках и бархате, к дамам, которые и помыслить не могли возразить своему золотому идолу. Пусть она в лохмотьях, но у нее нюх на подлецов. Недаром его прозвали Рэйф Распутник.

Принц бросил хмурый взгляд на большую, но запущенную виллу за ее спиной, увитую белым жасмином до самой крыши из красной черепицы. Над дверью висел фамильный герб. Прищурившись, он попытался рассмотреть его.

– С кем имею честь разговаривать? – осторожно спросил он, положив кнут на шею коня.

Дэни не решилась назвать ему свое имя.

– В доме есть кто-нибудь из господ? – раздраженно произнес Рэйф.

Дэни побледнела. Ей хотелось умереть от стыда. Это божество принимает ее за служанку!

Внезапно у нее за спиной громко хлопнула дверь.

Принц посмотрел в ту сторону. Дэни повернулась, и сердце ее оборвалось: в дверях стоял дедушка в ночной рубашке и колпаке, держа в руке свечу.

– Я уведу его, госпожа, – шепнула экономка, готовая наброситься на принца с кулаками, если он посмеет сказать хоть одно оскорбительное слово в адрес ее хозяйки.

Но принц молча с любопытством смотрел на дряхлого старика.

Дэни вздрогнула, услышав дребезжащий голос дедушки:

– Альфонс? Господи, мой король, это вы?

Дэни увидела на прекрасном лице принца выражение крайнего изумления. Она с беспокойством посмотрела на него, затем обернулась и увидела, что дедушка нетвердым шагом идет к ним. Зажженная свеча выпала из его руки и упала на сухую траву, которая тут же загорелась. Мария, вскрикнув, принялась гасить огонь, а Дэни попыталась перехватить дедушку. Принц Рафаэль с необыкновенной грацией спрыгнул с коня и подошел к старику.

– Полегче, старина. – В голосе принца слышалась нежность.

Дэни смотрела на них, и ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда, когда дедушка со слезами на глазах обнял принца за плечи.

– Альфонс! Ты? Ты совершенно не изменился, мой дорогой друг! Ты никогда не изменишься! Как тебе удастся оставаться молодым? Это потому, что в тебе течет королевская кровь. – Костлявые пальцы вцепились в руки принца. – Пойдем выпьем и поговорим о старых школьных годах, когда мы были мальчишками... Боже, какие это были денечки!

– Дедушка, ты ошибаешься, – тихо сказала Дэни, страдая от того, что дед роняет свое достоинство. Она взяла его за худую руку. – Это принц Рафаэль, внук короля Альфонса. Идем в дом. Ты можешь простудиться.

– Она права, – улыбнулся принц, и его изучающий взгляд встретился с радостным взглядом старого рыцаря. – Король Альфонс был моим дедушкой. А

вы, случайно, не герцог Бартоломео Кьярамонте, его близкий друг?

Осознание своей ошибки ссутулило плечи старика, но при последних словах принца взгляд его просветлел, и в нем вспыхнула радость, словно он подумал: «Ага, я не забыт. Меня все еще помнят!»

Он кивал, и кисточка на его колпаке плясала в такт кивкам.

– Я был в Санта-Фоска с этим великим человеком, и мы там хорошо повеселились, – проговорил старик, с трудом подавляя волнение.

Принц Рафаэль нежно обнял дедушку за худые плечи и осторожно развернул лицом к дому.

– Может, вы расскажете мне о моем дедушке, когда я отведу вас в дом, ваша светлость? Я ведь совсем его не знал...

У Дэни в горле застрял комок, когда она увидела, как дедушка послушно пошел вместе с принцем.

Она не была готова к такому повороту событий и, глядя на них, подумала, что Рафаэль – настоящий принц.

С интересом слушая воодушевленную болтовню старика, он время от времени поглядывал на нее с саркастической улыбкой, которая, казалось, говорила: «А я-то и вправду поверил, что вы меня не знаете».

Нахмурившись, Дэни отошла от них подальше.

Он пробыл в их доме почти час.

Все это время Дэни не могла заставить себя войти в бедно обставленную гостиную, где он сидел с дедушкой – золотоволосый, величавый, похожий на архангела, спустившегося с небес.

Когда он вошел в освещенный холл ее дома, ей пришлось признать, что она недооценила его, так прекрасен был принц Рафаэль Великолепный.

С раздражающей учтивостью, которую он наверняка впитал с молоком матери, принц пропустил ее вперед и даже придержал для нее дверь, когда они все вместе направлялись в гостиную. Она не нуждалась в помощи мужчины, но тем не менее поблагодарила его, с досадой почувствовав, что краснеет.

Она украдкой бросила взгляд на его лицо. Похоже, газеты писали правду: у него действительно были золотистые ресницы, темно-зеленые глаза с веселыми искорками, напоминающими солнечный луч, пробивающийся сквозь густой темный еловый лес.

Рядом с ним она казалась хрупкой, неуклюжей и некрасивой; ее внезапно охватило осознание собственной простоватости рядом с его блестящей изысканностью. От него пахло бренди и дорожной пылью, но сквозь эти запахи пробивался аромат дорогого одеколона. И еще она чувствовала тепло, исходившее от его большого сильного тела.

К досаде Дэни, с того самого момента, как он вошел в ее дом, сердце ее глухо колотилось в груди.

Казалось, он своим присутствием заполнил весь дом. Ее тянуло к нему, как мореплавателей зов сирены, и она ужасно от этого нервничала. Она даже не могла сосредоточиться на спасении своих друзей! И тогда, решив забыть на некоторое время обо всех своих проблемах, она отправилась подслушать разговор принца с дедушкой.

Стоя под дверью гостиной, она слышала, как громко смеялся принц над рассказами старика об их с королем Альфонсом школьных шалостях.

По всей вероятности, король Альфонс был таким же проказником в юности, как и его пользующийся дурной славой внук. «Он удивительно терпелив, если может столько времени слушать бессвязные истории дедушки», – думала она, прижимая ухо к двери. Никогда в жизни она бы не подумала, что у этого распутника доброе сердце. Она уже почти жалела, что ограбила его.

Когда Мария торопливо прошла мимо нее, неся мужчинам вино, Дэни забилась в угол, чтобы экономка ее не заметила. К счастью, Марии удалось облачить деда в халат, поэтому он выглядел не так смешно, как раньше.

– Госпожа, вы ведете себя невежливо, – проворчала, нахмурившись, Мария. – Он все-таки кронпринц.

– Пусть хоть сам святой Петр, мне до него нет никакого дела! – прошептала Дэни, жестом попросив Марию оставить ее в покое.

Мария с упреком посмотрела на нее, толкнула полным бедром дверь и вошла в комнату.

Дэни прислонилась к стене. Она уговаривала себя, что не хочет входить в гостиную, потому что он может ее разоблачить. Но сколько бы она ни цеплялась за этот довод, было ясно, что это ложь. Причина заключалась в том, что принц был великолепен и обворожителен, а она бедна, неопытна и застенчива. Она понимала, что он сидит с дедушкой из жалости, а ее гордость не вынесет, если эта жалость распространится и на нее.

В конце концов любопытство все же победило. Она бочком протиснулась в гостиную, как осторожная голодная дворовая кошка, испытывая сильное волнение, возбуждение и враждебность.

– А вот и моя внучка, ваше высочество, – улыбнулся герцог. – Даниэла.

Принц Рафаэль встал и учтиво поклонился ей:

– Синьорита.

Смутившись, Дэни присела в неловком реверансе.

– Ваше высочество. Пожалуйста, садитесь.

Он вежливо кивнул, расправил фалды фрака и сел с непринужденной элегантностью, закинув ногу на ногу. Дэни опустилась в потертое кресло, чувствуя, как сердце рвется из груди.

Слезящиеся глаза дедушки вспыхнули, когда он посмотрел на свою внучку, а затем на принца.

– Что вы о ней думаете, Рэйф?

– Дедушка! – вскрикнула Дэни.

Принц прищурился:

– Боюсь, что я ничего о ней не знаю.

– Тогда я вам расскажу кое-что о моей Даниэле, так как она слишком застенчива, чтобы самой рассказывать о себе.

– Дедушка! – Дэни была готова провалиться сквозь землю.

Принц с нескрываемым любопытством ее рассматривал.

Если бы он был не так красив, она бы страдала гораздо меньше.

– Продолжайте, – попросил Рэйф.

– Она ухаживает за мной с девятилетнего возраста, после того как монахини выгнали ее из четвертого класса монастырской школы, куда мы ее отправили.

– Это был третий класс, дедушка. Я уверена, что его высочеству это совсем неинтересно.

– Пожалуйста, продолжайте. Я весь внимание, – сказал принц, удивляясь ее застенчивости.

– Даниэла получила образование, более подходящее для юноши. Вот почему она никогда не скучает, как многие ее сверстницы. В то время как другие маленькие девочки учились вышивать, она училась изготавливать порох. Я сам учил ее этому, – с гордостью добавил дедушка.

– После того как дедушка ушел в отставку, он стал устраивать фейерверки для здешних праздников, – быстро вмешалась Дэни, прежде чем принц заподозрит неладное.

– Моя Даниэла научилась ездить, стоя верхом на пони, когда ей едва исполнилось десять лет! – продолжал дедушка, ласково поглядывая на внучку.

– Поразительно! – восхитился принц.

Дэни покраснела.

– Я не смущаю тебя, моя милая? – спросил дедушка, подняв белые кустистые брови. – Господи, пожалуй, я уже достаточно рассказал.

– Я тоже так считаю, – ответила Даниэла, с упреком посмотрев на старика.

Он ответил ей широкой улыбкой невинного младенца.

Дэни внезапно осознала, что принц, опершись локтем на ручку кресла и прикрыв ладонью рот, смотрит на нее странным задумчивым взглядом. Ее сердце екнуло, когда она заметила в его глазах чувственную поволоку. Снова покраснев, она отвела взгляд.

– Ну, – внезапно объявил принц, – мне пора уходить. Меня ждет отец.

Дэни не смогла сдержать вздоха облегчения, когда его высочество поднялся и обменялся рукопожатием со стариком.

Она встала и на ватных ногах пошла к двери, чтобы достойно проводить высокого гостя.

Одному Богу известно, как ей хотелось, чтобы он поскорее ушел.

Рэйф собирался ее обольстить.

Он еще не понял, чем вызвано такое отношение к нему внучки старика Кьярамонте, и был бы благодарен, если бы кто-нибудь объяснил ему, почему синьорита Даниэла относилась к нему так, словно он ее недостойн. Не мог он объяснить и тот факт, почему ее явная незаинтересованность в нем вызвала у него такой интерес к ней.

С того самого момента, как дерзкая девчонка, гордо вздернув голову, вызывающе посмотрела на него, она привлекла к себе его внимание. Правила не позволяли сделать из внучки герцога любовницу, но из любого правила бывают исключения.

Завтра его день рождения, и она будет подарком, который он решил себе преподнести. А почему бы и нет, черт возьми? Совершенно очевидно, что она находится в затруднительном материальном положении. Возможно, нежными словами и дорогими безделушками он сможет соблазнить ее, и между ними установятся отношения, приятные для них обоих.

Единственное, что его смущало, – ее равнодушие. Она едва взглянула на него и даже не захотела с ним поговорить. У него было такое ощущение, что его репутация бежит впереди него, и ее молчаливое осуждение неожиданно причинило ему боль.

Она не из тех, кто легко сдается, и этот факт привел его в восторг. Синьорита Даниэла, пришел он к заключению, была из редкой породы умных и недоступных женщин, умеющих одним лишь взглядом превратить мужчину в полного осла. Она была нешаблонной, своенравной, чистой, у нее были рыжие волосы, а по опыту он знал, что с рыжеволосыми одна только морока.

К сожалению, он любил трудности.

Совершенно ясно – и это было для него удивительно, – что он не произвел на нее никакого впечатления. Однако, оглядевшись, он увидел, в каком плачевном состоянии находится их вилла, заметил отсутствие слуг, хрупкое здоровье старика, поношенную одежду молодой хозяйки, в то время как ее кожу, нежную как лепесток розы, должны окутывать шелка, как и подобает наследнице благородных кровей. Ему будет легче затащить ее в постель, если он что-нибудь сделает для этих людей.

Можно было, конечно, выдать ее замуж за одного из придворных, но не сейчас, а лишь после того, как он ею насытится. А сейчас ему невыносима мысль о том, что она будет принадлежать другому, а не ему.

Синьорита Даниэла была напряжена и молчалива, когда провожала его до двери. Ее маленькие, покрасневшие от работы руки были сложены на груди. Это просто преступление доводить ее нежные ручки до такого состояния. Он даст ей батальон слуг, чтобы в будущем она и пальцем не пошевелила.

«Порох, ничего себе, – вспомнил он рассказ герцога. – Она сама как бочонок с порохом».

Его весьма заинтересовало ее мастерство наездницы, и его испорченный ум подсказал ему мысль, что это ее мастерство можно перенести в другую область, в которой он был знатоком. Он попытался прочесть ее мысли, но она скромно опустила глаза.

Он и сам не понимал, почему так хочет ее. Возможно, это просто каприз. Минутная фантазия, обычное сезонное увлечение распутника. Хлоя была в сто раз красивее, талантливее и утонченнее – куртизанка в высоком понимании этого слова. Но Хлою достаточно поманить пальцем, а это уже неинтересно.

«Она, должно быть, очень юная», – думал он, бросая на нее косые взгляды. У нее хороший рост: ее макушка лишь на пару дюймов ниже его плеча.

Чем больше он смотрел на нее, тем больший интерес она у него вызывала. У нее были высокие скулы, маленький изящный ротик, похожий на бутон розы, и твердый дерзкий подбородок, и он с трудом сдержался, чтобы его не приподнять, – ему хотелось убедиться, что это юное серьезное личико умеет улыбаться. Ее носик был вздернутым и дерзким, и его огорчало, что она не хочет взглянуть на него и он не может увидеть цвет ее глаз.

Так как она выбрала место подальше от него в их мрачной гостиной, он различал лишь горящий взгляд больших внимательных глаз, в которых светились ум, воля и надменность, а также какая-то невинная пронизательность, отчего в его груди сладко защемило.

За его деньги она доставит ему массу удовольствия. Какое это будет чудо, когда эта дикая нетронутая провинциалка станет нежной и мягкой в его объятиях. Он приручит ее. Она упрямая, размышлял он, когда они вышли под сень звездной ночи. Чутье ему подсказывало, что на ней держится весь дом. Она слишком юна для такой непосильной ноши, но именно это вызывало в нем восхищение.

– Спасибо вам за доброту к моему дедушке, – тихим голосом поблагодарила Даниэла Кьярамонте.

Он посмотрел на нее: молодая девушка, живущая в неизвестности, не имеющая друга, способного защитить ее, и ко всему прочему преступники, разгуливающие на свободе. Одному богу известно, чем они питаются, уж больно она худенькая.

Внезапно ему в голову пришла мысль: он сделает все, чтобы соблазнить ее. По крайней мере в качестве его любовницы она будет есть досыта и находиться под защитой.

– Завтра мой день рождения, – произнес он негромко, слегка похлопывая себя хлыстом по ноге.

– О! Желаю вам долгих лет жизни, ваше высочество!

– Нет-нет! – нетерпеливо воскликнул он. – Дело в том, что мои друзья устраивают по этому случаю бал у меня в палаццо. Я хочу, чтобы вы тоже пришли.

Она что-то сказала удивленно, но Рэйф не слышал ее ответа, потому что в эту минуту пытался разглядеть цвет ее глаз в свете фонаря, висевшего на крюке у двери.

Аквамариновые!

Ну конечно же! Он не мог оторвать взгляда от этих больших настороженных невинных глаз необычайного оттенка чистейшей морской воды, напоминавших ему бухточку среди скал, где он обычно купался в юности и где засыпал на гладком камне, ощущая, как солнце греет его кожу, и слушая убаюкивающую

музыку водопада, стараясь тогда, как и сейчас, не думать о постоянном давлении на его жизнь и безнадежно мечтая о том дне, когда его будут называть «ваше величество».

Глядя в эти кристально-чистые глаза, он почувствовал, как у него поднимается настроение. Он обязательно должен еще раз увидеться с ней.

– Да, вы должны приехать, – заявил он решительно. – Пусть вас не беспокоит практическая сторона вопроса. Я пришлю за вами карету. Вы будете моей почетной гостьей.

– Что?

Он пытался сообразить, как бы по деликатнее дать ей понять, что он хочет ей помочь, но потом подумал, что она слишком неискушенна в подобных делах и может обидеться. Лучше постепенно вводить ее в курс дела, шаг за шагом приближаясь к цели. Рэйф одарил ее одной из своих самых очаровательных улыбок.

– Я бы очень хотел получше узнать вас, синьорита Даниэла, – прошептал он. – Вы танцуете?

– Нет.

– Нет, – разочарованно повторил он. Значит, танцы отменяются. Проклятие!

Крепко сжав губы, принц внимательно смотрел на нее. Он с трудом поборол искушение протянуть руку и дотронуться до нее, погладить по щеке, но решил пока этого не делать.

– Вы любите музыку?

– Немного.

– А как насчет садов удовольствия? Они вам нравятся?

Нахмутив брови, она подозрительно взглянула на него и покачала головой.

– Я их никогда не видела.

Наклонившись к ее лицу, он понизил голос до вкрадчивого шепота:

– А как насчет сладостей? – Он вынул из кармана маленькую плоскую коробочку, открыл ее и высыпал на ладонь две мятные лепешки. – Я сам сластена. – Рэйф предложил ей угоститься конфетой. – Это мой недостаток, – улыбнулся он, наблюдая, как она переводит взгляд с его лица на мятную лепешку, не решаясь ее взять.

– Берите, они не отравлены. – Он смотрел, как она взяла лепешку и осторожно положила в рот. – Вы, синьорита Даниэла, придете на мой день рождения, и мы будем бесстыдно поглощать шоколадные трюфели, пить замороженное шампанское и есть потрясающие маленькие розовые пирожные под названием «Груды Венеры», которые печет мой повар. – Он поцеловал сложенные перстом пальцы. – Они бесподобны!

– Спасибо, – ответила она, заложив конфетку за щеку, – но скорее всего я не приду.

– Не разговаривайте с полным ртом, – сделал он ей замечание, никак не отреагировав на ее слова. – А что, если я вас попрошу?

Она окончательно смутилась, даже, кажется, была ошеломлена.

К его изумлению, она приняла к сведению его замечание и молчала до тех пор, пока не проглотила конфету.

Видит бог, он хотел ее! Его тело напряглось от желания.

– Вы очень добры, ваше высочество, что пригласили меня, но я знаю, что вы это сделали из жалости, из-за того, что я живу в таком убогом месте одна с очень дорогим мне, но выжившим из ума старым полковником. – Даниэла через плечо посмотрела на дом. – Но к сожалению, принц Рафаэль, я не могу прийти на ваш прием. – Она немного поколебалась, но потом решительно добавила: – Но если вы действительно хотите сделать мне приятное, то проследите, чтобы Джанни не провел ночь в тюрьме.

Он посмотрел на нее со своей обычной полуулыбкой, которая на женщин действовала безотказно.

– Если я это сделаю для вас, тогда вы придете на бал?

– Откровенно говоря, я не знаю, смогу ли я...

– В таком случае решено. – Он снова очаровательно улыбнулся ей. – Я завтра пришлю за вами карету ровно в шесть часов. У вас будет достаточно времени, чтобы подготовиться. Одна из моих приятельниц одолжит вам сногшибательное платье, а я осмелюсь предложить вам ожерелье из огненного опала, которое будет вам очень к лицу. Доверьтесь мне, у меня хороший вкус. До завтра, синьорита. – Он взял ее холодную руку, поднес к губам, глядя ей в глаза многообещающим взглядом. Затем с торжествующей улыбкой он сбежал по ступеням и широким шагом направился к белому жеребцу.

– Сэр, я сказала – нет!

Он остановился, медленно повернулся, слегка удивленный ее упрямством. Но ведь он и не хотел легкой победы.

– Неужели вы не хотите хоть немного разнообразить свою жизнь?

Скрестив руки на груди, она вздернула подбородок.

– Я отношусь к вам со всем уважением, но моих друзей только что арестовали. Сейчас не самое подходящее время для развлечений.

– Прежде всего, моя дорогая, вам не следует общаться с преступниками, – снисходительно заявил он и улыбнулся. – Мы договорились: я спасу ребенка от тюрьмы, а вы, в свою очередь, будете танцевать со мной завтра вечером... и попробуете розовые пирожные моего повара. Я настаиваю на этом.

Уперев руки в бока, она сердито проговорила:

– Я сказала, что не приду. Вы что, глухой?

– Пардон? – Он приставил ладонь к уху.

– Как вы, ваше высочество, смеете приглашать меня на бал, в то время как мои друзья завтра могут быть приговорены к казни через повешение?

Две мысли одновременно промелькнули в голове Рэйфа: первая – она так и не поняла намека на истинную причину его приглашения; и вторая – она отказывает ему потому, что влюблена в этого юного головореза, которого он арестовал.

Чистейший вздор! Этого не может быть!

Осознание возможности такого факта подействовало на него как ушат холодной воды, и это несколько охладило его пыл. Ну и дела! Она смеет ему отказывать?

– Забавно, – хмыкнул он, пристально глядя на нее.

Он вспомнил, что старший из этих молодых разбойников, которых по его приказу всего час назад отправили в тюрьму, был высоким красивым парнем, возможно, двадцати четырех лет от роду, с вьющимися темными волосами и большими карими глазами, светившимися добротой, перед которой не смогло бы устоять ни одно женское сердце, и звали его, как выяснилось, Матео Габбиано.

Ага! Теперь понятно, почему Даниэла с самого начала была к нему так равнодушна, подумал принц.

Обожаемый и восхваляемый женщинами с первого дня своего рождения, Рэйф не привык к тому, чтобы его отвергали.

Его мнение о ней круто изменилось.

Он возмутился. Как эта глупая девчонка могла отдать свое сердце, а возможно, и нечто большее какому-то бандиту? Скорее всего ей просто одиноко в этом захолустье, но ведь должна же она помнить о своем происхождении. Как она могла, черт возьми, предпочесть какого-то крестьянина – ему?

– Хорошо, мадам, – холодно произнес он, – я посмотрю, что можно сделать для вашего мальчишки. Прощайте.

Он повернулся и решительно направился к белому жеребцу. Здравый смысл подсказывал ему, что если эти разбойники искали спасения в ее доме, то, возможно, это неспроста. Но он не желает ничего об этом знать.

Пройдя несколько шагов, Рэйф остановился и оглянулся. Она все еще стояла там – ее хрупкий силуэт виднелся в свете висевшего на крыльце фонаря.

– Почему вы сделали вид, что не знаете, кто я? – резко спросил он.

– Сбавьте тон, – надменно проговорила она. – Почему вы провели целый час с дряхлым стариком, если поначалу были так решительно настроены поймать преступника?

– Это потому, что иногда доброта важнее правосудия.

Она внимательно посмотрела на него.

– Я благодарю вас за помощь, – проговорила Дэни. – Но и я тоже могу помочь вам.

– Помочь мне? – удивленно протянул принц. – Сомневаюсь.

– Загляните в бухгалтерские книги сборщика сельских налогов, ваше высочество, и вы, возможно, обнаружите настоящих преступников.

– На что вы намекаете, мадам?

– Сами увидите.

– Мой отец взяточничество запретил законом, – ответил он, поигрывая хлыстом. – Подозревать в подобном короля Лазара ди Фиори – это все равно что подозревать, что пчела носит мед не из того цветка.

– Скажите это графу Бульбати.

– Кто это?

– Человек, который повышает мои налоги каждый раз, когда я отказываюсь выходить за него замуж.

Это следовало проверить. Он дал себе слово разобраться в правильности обвинения, а пока решил выяснить, почему Дэни отказывает графу.

– Вы не хотите выходить за него замуж, но разве выгодное замужество не облегчит вашего положения?

– Возможно. Но во-первых, граф Бульбати продажная жадная свинья, а во-вторых, я никогда не выйду замуж. Ни за кого и никогда!

– Скажите ради бога, почему? – изумленно посмотрел на нее Рэйф, словно сам не повторял эту фразу бесчисленное количество раз.

– Потому что я не хочу терять свободу. – Она махнула рукой в сторону виллы. – Может, наш дом и нуждается в ремонте, но это мой дом и мои земли... Хотя земля высохла от засухи и урожаи очень незначительны, но это моя земля. За все это я буду нести ответственность до самой смерти. Разве много найдется женщин, столь же счастливых, как я?

Он посмотрел вокруг, удивляясь, как можно считать себя счастливой, если не знаешь, что будешь есть завтра.

– Для меня это сплошная головная боль, – пробурчал он. – Ведь вам приходится упорно трудиться, чтобы прокормить себя.

– Зато я свободна. Почему я должна принадлежать человеку, который ничем не лучше меня, а по положению даже ниже? – Она пожала худенькими плечиками. – Я не ожидаю, чтобы вы или кто-либо другой меня понял. Я сама сделала свой выбор.

– Сама сделала свой выбор, – повторил он, совершенно сбитый с толку этой девчушкой. Он не мог понять, откуда у нее такая сила воли, но было ясно: она сама управляет своей жизнью, чего он не мог сказать о себе.

От этой мысли у него испортилось настроение.

Услышав стук копыт, он оглянулся и увидел своих солдат, возвращавшихся из леса. Они везли его золото, но Всадника-в-Маске с ними не было. Он бросил взгляд на Даниэлу Кьярамонте – она стояла на крыльце, скромно опустив голову и сложив руки на животе.

Он было подумал оставить двух солдат, чтобы охранять ее и старика, но решил, что в этом нет необходимости, так как, судя по всему, Всадник-в-Маске не представляет для нее угрозы, ведь, насколько он мог судить, этот головорез является ее кавалером.

От этой мысли его настроение испортилось окончательно.

– Ну что ж, синьорита Даниэла, мне пора ехать. Меня ждет король.

– До свидания, принц, – вежливо попрощалась Дэни. – И... счастливого вам дня рождения.

Кажется, эта нахалка издевается над ним? Он пристально посмотрел на нее, раздумывая, была ли в ее голосе насмешка или ему показалось? Однако больше всего сейчас ему хотелось подойти к ней и поцеловать эти пухленькие очаровательные губки, но нет, ему не следует этого делать. Надо как можно скорее вскочить на коня и как можно дальше умчаться от нее. Он легко забывает женщин. Он окончательно решил выкинуть из головы эту маленькую рыжеволоску, которая только и делает, что дразнит его.

И тут он вспомнил, что несколько лет назад уже клялся не помогать девицам, попавшим в беду.

Вскочив в седло и тронув коня, принц вздохнул с облегчением – наконец-то он избавится от эксцентричной Даниэлы.

Здесь растерялся бы и сам Дон Жуан.

Глава 3

Рэйф возвращался домой, вспоминая стычку с дерзкой рыжеволосой хозяйкой поместья. Как могла эта девчонка предпочесть ему, принцу, какого-то бедного крестьянина? На пути к замку они миновали несколько деревень с полуразвалившимися домами; крестьяне провожали принца хмурыми взглядами, и вооруженная до зубов охрана обступила принца тесным кольцом.

Наконец они въехали в Белфорт, столицу острова, и спустя несколько минут оказались на одной из центральных улиц, заполненной горожанами. Люди высыпали из домов, чтобы насладиться вечерней прохладой. Улицы города звенели от смеха и веселых голосов, доносившихся из кофеен и таверн, мимо которых они проезжали. Принц пустил белого жеребца легким галопом и приветливо махал горожанам рукой.

Остров четвертый месяц страдал от засухи, и все вокруг было покрыто толстым слоем пыли. Даже неприхотливые бархатцы в цветочных горшках на балконах фешенебельных домов поникли, опустив головки. Элегантные фонтаны в скверах были отключены – следовало экономить воду.

«Обязательно должно быть плохо, прежде чем станет хорошо», – с горечью подумал Рэйф. Было начало июля, и скоро из самого сердца Сахары подует жаркий сирокко, пронесется над Северной Африкой, достигнет желто-зеленых вод Средиземного моря и ляжет тяжелым бременем на всю Южную Европу. В течение этих двух или трех недель в году жизнь на острове превращалась в ад.

Когда они завернули за угол, взгляд Рэйфа скользнул по великолепным бронзовым куполам, поднимающимся над крышами города и сверкающим в лучах солнца, но вместо того чтобы свернуть на дорогу, ведущую в огромный дворец, он был вынужден направить коня к королевскому палаццо.

На вымощенной булыжником центральной площади города напротив друг друга располагались кафедральный собор и королевский дворец, и это сочетание

красоты и величия чем-то напоминало полные изящества пары в менюэте. Между ними возвышался знаменитый бронзовый фонтан, возведенный в честь минувших поколений правителей острова. На этом выдающемся памятнике архитектуры голуби устраивались на ночлег.

Рэйф спрыгнул с седла и прошел в ворота мимо выстроившейся в почетном карауле королевской гвардии. Взглянув на карманные часы, он быстро поднялся по широким ступеням лестницы, ведущей во внутренние покои дворца.

В просторном холле его встретил старый дворецкий, которого Рэйф изводил, когда был мальчишкой. Он хлопнул хрупкого, полного достоинства слугу по спине так, что тот чуть не упал, но Рэйф успел его подхватить.

– Где мой старик, Фалькони?

– В кабинете заседаний, синьор. Но боюсь, совещание уже подходит к концу.

– Совещание?! – воскликнул Рэйф, сразу приходя в негодование. – Какое еще совещание? Черт бы вас всех побрал! Никто не говорил мне о каком-то там совещании!

– Желаю удачи, синьор.

Бросив на ходу «спасибо», Рэйф быстрым шагом прошел через мраморный холл в административную часть дворца, чувствуя, как сильно стучит его сердце. Черт, опять он опоздал! Дойдя до двери зала заседаний, он остановился, глубоко вздохнул и решительно распахнул дверь. С надменным видом принц вошел в зал.

– Синьоры! – приветствовал он собравшихся с беспечной небрежностью. – Господи, полный кабинет! Мы что, в состоянии войны? – спросил он с усмешкой.

– Ваше высочество, – укоризненно проворчал чопорный старик.

– Привет, отец.

Сидевший во главе длинного стола король Лазар неодобрительно посмотрел на Рэйфа поверх очков в квадратной оправе, косо сидящих на кончике его длинного римского носа.

Король Лазар ди Фиори был крупным импозантным мужчиной с квадратным подбородком и суровыми чертами лица, с коротко подстриженными волосами цвета «перец с солью» и дубленой загорелой кожей. Он бросил пронизательный взгляд на сына.

Рэйф выдержал этот взгляд, задаваясь вопросом, в чем он успел провиниться на этот раз.

Еще с отроческих лет он изучил каждый нюанс в выражении лица отца и не только для того, чтобы научиться манипулировать людьми так же, как умел это король, который в этом деле достиг совершенства, но еще и потому, что его собственный юный мир вращался вокруг этого великого человека, пытаясь найти оправдания его невыполнимым требованиям. В конце концов он смирился с тем, что никогда не сможет оправдать надежды отца.

– Для нас большая честь, что вы решили присоединиться к нам, ваше высочество, – буркнул король Лазар, уткнувшись носом в лежащий перед ним документ. – И мы не в состоянии войны. Жаль лишать тебя такого развлечения, но ничего не поделаешь.

– Ничего страшного, – пожал плечами Рэйф, опускаясь в кресло, стоящее у противоположного конца стола, и, небрежно развалившись в нем, положил руку на подлокотник. – Я любовник, а не боец.

Розовощекий военно-морской адмирал закашлялся, чтобы подавить довольный смех. Он, похоже, был единственным в окружении короля человеком, который понимал и ценил Рэйфа или по крайней мере никогда не обижался на него.

Но этого нельзя было сказать о двух других приближенных, сидевших рядом с королем, – епископе Юстиниане Васари и премьер-министре Артуро ди Сансеверо.

Они были очень не похожи друг на друга. Епископ, высокий, напыщенный, с бульдожьей хваткой, был облачен в расшитую золотом широкую сутану. У него

было круглое румяное лицо, пышная копна седых волос, которые торчали в разные стороны из-под бархатной шапочки. Он был уверен в непогрешимости своего мнения по всем вопросам так же, как и в том, что сады в его роскошном палаццо будут цвести всегда. Он прославился главным образом своими проповедями, которые произносил раскатистым басом, и когда он обличал зло и порок и громил распутников, нетрудно было догадаться, кого он имел в виду.

Короче говоря, епископ видел в кронпринце распутного, никчемного сына доброго и благородного отца – короля Лазара. К счастью, имелся еще второй сын – ангелоподобный, ласковый и послушный десятилетний принц Лео, которого, если проводить известную параллель, можно было назвать Авелем, в то время как Рэйф, безусловно, по мнению Юстиниана, был Каином, хотя няня Лео могла бы многое рассказать о пока еще невинных шалостях маленького принца. Король назначил епископа официальным опекуном Лео с правом регентства; это означало, что если когда-нибудь, с божьей помощью, Рэйф погибнет во время одной из своих диких оргий или пьяным свалится с лошади и разобьется насмерть, епископ будет править за Лео до его совершеннолетия.

Рэйф не мог понять, за что население Асенсьона так сильно любило этого злого, напыщенного, высокомерного епископа.

Премьер-министр был прямой противоположностью епископу, хотя его мнение о Рэйфе было точно таким же. Ловкий, быстрый, аккуратный, осмотрительный, дон Артуро напоминал своими повадками хищную барракуду. Он был чуть выше среднего роста, с глубоко посаженными глазами, тонкими, крепко сжатыми губами, на которых улыбка появлялась только в тех случаях, когда он видел своих маленьких племянниц и племянников, детей своей сестры. Его жена умерла, не оставив ему детей, и он больше не женился. Он посвятил свою жизнь работе – Асенсьону.

Если бы Рэйф раскаялся в своих злых поступках, то, возможно, епископ Юстиниан радостно встретил бы его как «блудного сына», зато у премьер-министра было бы больше причин его презирать.

Тем временем сидевший рядом с Рэйфом его флорентийский родственник, герцог Орландо ди Камбио, незаметно подвинул к нему документы.

– Спасибо, кузен, – сдержанно поблагодарил Рэйф, который знал, что большая часть кабинета предпочла бы видеть на троне Орландо, а не его. Красивый, четко очерченный профиль Орландо, который был на пять лет моложе Рэйфа, свидетельствовал об их близком родстве, отчего кузен казался скорее братом принца, нежели дальним родственником. Оба высокие, широкоплечие, красивые, они явно принадлежали к одной семье. Но если Рэйф был рыжеватым блондином с золотисто-зелеными глазами, то у Орландо были иссиня-черные волосы и холодные карие глаза.

Орландо жил один и всегда одевался в черное. Преуспевающий купец, он покинул Флоренцию и переехал на землю своих предков, в Асенсьон, где получил должность министра финансов. Он заслужил доверие советников и короля благодаря пытливому уму и холодной рассудительности. Премьер-министр очень любил его. Вот уже несколько месяцев как Орландо было разрешено присутствовать на заседаниях верховного совета, так как он, хоть и не по прямой линии, был принцем королевской крови.

– Вошедшие в привычку опоздания приравниваются к греху гордыни, принц Рафаэль, – пророкотал епископ.

– Прошу простить, – извинился перед присутствующими Рэйф, оторвав взгляд от бумаг, переданных ему Орландо. Он окинул их холодным взглядом, ненавидя себя за то, что вынужден оправдываться. – Так случилось, что на меня напали разбойники.

Епископ и несколько советников короля онемели от изумления, а дон Артуро закатил глаза.

Вопросительно вскинув бровь, король посмотрел на Рэйфа. Тот весело улыбнулся ему в ответ.

– Надеюсь, ты не пострадал? – озабоченно спросил Орландо.

– Мне не причинили никакого вреда. Кстати, все они, за исключением главаря, уже в тюрьме. Мои люди сейчас ищут его.

– Хорошо, – одобрительно посмотрел на него король.

– Напасть на члена королевской семьи! – в гневе воскликнул Орландо, откинувшись в кресле. – Я был бы рад увидеть их на виселице.

– Мне кажется, они не знали, на кого напали. Я был в наемной карете... а впрочем, это ерунда, – пробормотал Рэйф, избегая взгляда отца, который знал о гонках карет и сломанной оси.

Орландо, а вместе с ним и другие сокрушенно покачали головами.

– Причина, по которой мы вызвали тебя, Рафаэль, – начал король, прочистив горло, – заключается в том, что я решил немного отдохнуть. Я завтра уезжаю.

Глаза Рэйфа расширились от удивления, рука упала с подлокотника: за тридцать лет своего правления король ни разу не позволял себе расслабиться!

– Сейчас, когда этот непредсказуемый корсиканец снова в заточении – на сей раз, надеюсь, надолго, – я решил отвезти твою мать на пару месяцев в Испанию, чтобы она повидала внуков. Я назначаю тебя, Рэйф, принцем-регентом на время моего отсутствия. Что ты на это скажешь?

Рэйф был в шоке.

Он ошарашенно смотрел на отца и не знал, что сказать.

Пристальный взгляд короля был загадочным, но в глубине его умных глаз таилась улыбка.

– Ты готов взять на себя такую ответственность?

– Да, мой король, – с готовностью ответил Рэйф. Его сердце подпрыгнуло от волнения.

Лазар поднял руку, призывая его к сдержанности.

– Но у меня есть одно условие... – начал он.

– Любое, – перебил его принц, облизнув пересохшие губы.

Король сделал знак Орландо. Тот поднялся с кресла, подошел к огромному резному буфету и вернулся к Рэйфу, держа в руках большой деревянный поднос. Проказливая улыбка скривила тонкие губы короля, когда Рэйф удивленно взглянул на него.

На подносе лежали пять искусно выполненных портретов женщин и небольшая стопка каких-то документов.

– Настало время выбрать тебе жену, сын мой.

Рэйф в ужасе посмотрел на короля.

– Выбирай. – Лазар кивнул в сторону подноса.

– Прямо сейчас? – спросил Рэйф в ужасе.

– А почему нет? Как долго ты еще собираешься откладывать? Мы уже три года ждем, когда ты определишься в своем выборе. Ты обязан обеспечить мне наследника, разве не так?

– Да, но...

– Если вы хотите править, ваше высочество, то должны выбрать себе в жены одну из этих молодых дам и подписать доверенность на женитьбу.

– Жениться по доверенности! – возмущенно вскричал Рэйф, отталкивая от себя бумаги. – Ты хочешь сказать, что стоит мне подписать это, как я буду женат?

– Совершенно верно. Незачем обременять себя всей этой процедурой.

Рэйф смотрел на бумаги с таким видом, словно на подносе лежала гремучая змея.

– Рафаэль, твое согласие выбрать себе жену – единственное условие, при выполнении которого я смогу доверить тебе управление Асенсьоном на время моего отсутствия.

– Ты, должно быть, шутишь, – еле выдавил из себя принц.

Лазар терпеливо ждал.

С трудом сдерживая негодование, Рэйф не отрываясь смотрел на человека, который был его отцом, но относился к собственному сыну с таким пренебрежением и недоверием, как будто очень жалел о том, что он его сын. Наконец он перевел взгляд на Орландо, но кузен с интересом изучал женские портреты. Он понял, что рассчитывать на поддержку ему не приходится.

– Отец, будь благоразумным. Я не могу вот так, наобум, выбрать ту, которая всю оставшуюся жизнь изо дня в день будет мелькать у меня перед глазами. Я даже не знаю этих женщин!

– Тебе тридцать лет, Рэйф! У тебя было время найти себе подходящую жену, но поскольку ты предпочел волочиться за актрисами, мы сузили для тебя поле поиска. – Король поставил локти на стол. – Выбирай и подписывай! В противном случае я оставлю вместо тебя дону Артуро! Если ты сейчас упустишь свой шанс, я буду вынужден пересмотреть твое право на наследование трона. Правда, Лео еще слишком мал, чтобы стать королем, – вздохнул Лазар.

Чувствуя, как от ярости темнеет в глазах, Рэйф с трудом сдержался, чтобы не заорать на отца.

Что ему остается делать? Подчиниться... как всегда.

Опустив голову, он невидящим взглядом смотрел на улыбающиеся лица женщин на портретах, придирчиво отобранных высшим советом королевства, племенных кобылиц, выбранных для продолжения королевского рода.

Марионетка.

Узник.

Он вспомнил Даниэлу Кьярамонте, почти ребенка, с гордым видом стоявшую на лестнице своего дома, хозяйку своей судьбы, и почувствовал себя униженным.

Нет, хватит, думал он. Всю жизнь он позволял отцу управлять собой. Его постоянно критиковали, принуждали жить по правилам, унижали, опекали... Он покорно терпел все издевательства, но теперь это переходит всякие границы.

– Это просто невыносимо, – проговорил Рэйф подчеркнуто спокойным тоном.

– Пардон? – В голосе короля послышались угрожающие нотки, и его брови поползли вверх.

Рэйф оторвал полный ярости взгляд от женских портретов и, отбросив кресло, поднялся.

Министры от изумления открыли рты.

– Рэйф, что ты делаешь, черт побери?

– Освобождаю вас от себя, отец! – закричал принц, повернувшись к королю. – Мне надоело ходить по струнке! Отдайте корону Лео! Она мне не нужна, если плата за нее так высока.

С этими словами он вышел, дрожа от злости. Спускаясь в холл и натягивая на ходу перчатки, он смотрел перед собой, и глаза его застилал гнев. Ему все еще не верилось, что он смог это сделать. Но черт побери, они с младенчества готовили его к тому, что он когда-нибудь станет королем, а теперь ждут от него, что он будет безропотно выполнять все их приказы! С него хватит!

Пусть король отречется от него, если захочет. Его это не волнует. Он всегда подчинялся отцу, но сейчас тот зашел слишком далеко.

– Рафаэль! – услышал он сердитый голос Лазара.

Он напрягся и вопреки своему желанию остановился – скорее из простой привычки, которую годами вырабатывали в нем, – остановился, как хорошо тренированная гончая собака, как послушный спаниель. Он чуть не застонал от

отчаяния, понимая, что если сейчас не уйдет, то никогда не получит свободу.

Его заставила остановиться преданная любовь к Асенсьону, и он смирил свою гордыню. К тому же для него оказалось весьма неожиданным, что отец побежал за ним, игнорируя мнение приближенных. Гордость не позволяла ему повернуться к отцу, и он застыл на месте, опустив руки по швам.

– Рэйф, черт возьми! – раздраженно пробурчал король, подходя к нему.

Рэйф обернулся и хмуро посмотрел на отца.

– Ты выбрал плохое время, чтобы устраивать сцены, мой мальчик.

– Я уже не мальчик, – возразил Рэйф, едва сдерживаясь.

– Ты думаешь, я не понимаю, почему это так трудно для тебя?

– Потому что на этот раз ты заставляешь меня принять самое важное решение в моей жизни, приставив нож к горлу! Потому что ты считаешь меня последним идиотом, который не в состоянии сам выбрать себе хорошую жену!

– Нет-нет! – нетерпеливо прервал его король. – Мы оба хорошо знаем причину, по которой ты боишься попасть в ловушку. Ты все еще не оправился от страха перед женщиной, которая у тебя была в девятнадцать лет. Как ее звали? Джулия?

Рэйф застыл на месте, не спуская с отца пристального взгляда.

– Все это уже в прошлом, Рэйф. С тех пор прошло десять лет.

Проклятие!

Иногда жизнь преподает хорошие уроки. Так было и с ним. Он, молодой дурак, пытался спасти девицу, попавшую в беду. С карманами, полными денег, и нежным сердцем, он легко попал в расставленные сети.

Но те дни миновали.

– Тебе бы следовало позволить нам привлечь ее к суду, Рэйф. Согласно закону ее бы повесили. Тебе бы следовало позволить мне вмешаться в это дело.

– Не надо ворошить прошлое, отец, – сердито ответил Рэйф, чувствуя, как тошнота подступает к горлу при воспоминании о том, каким он был дураком в те годы.

Такой благородный молодой рыцарь, такой самоуверенный, он не пожелал внять слухам, что его прекрасная дама, гораздо старше его по возрасту, его искутельница, его гордость, ложилась в постель с каждым мужчиной в королевстве, а его просто использовала в своих целях. Он не желал верить слухам. Он верил, что она любит его ради него самого, а не за его титул или деньги. Он вернул леди Джулию к жизни, после того как подобрал ее, избитую очередным любовником. Он заплатил ее долги, исцелил ее ущемленную гордость – и что он получил взамен?

Она совратила его, забрала его невинность, а затем обокрала его, когда он спал. Она обыскала его письменный стол, стащила секретные правительственные карты, которые он начертил для отца. Она продала эти карты французам, которые незамедлительно использовали их, чтобы вторгнуться в Асенсьон.

Наполеон чуть не захватил город – и все из-за того, что королевский наследник, поддавшись юношеской страсти, влюбился в недостойную женщину.

С тех пор никто не воспринимал его всерьез: ни правительство, ни народ, ни отец, ни тем более его советники.

– Эта сука просто обманула тебя, воспользовавшись твоей неопытностью...

– Я не хочу обсуждать это, отец, – повторил Рэйф, отворачиваясь. – Это моя вина. Я доверился плохой женщине.

– А сейчас ты не веришь ни одной из них. Ах Рэйф, Рэйф... – Лазар вздохнул. – Мне нужен наследник, сынок.

– К чему такая спешка?

– Я болен.

– Что? – потрясенно выдохнул Рэйф.

Лазар посмотрел на него, затем медленно опустил глаза.

– Вот почему я еду в Испанию. Чтобы повидаться с Дариусом, Серафиной и внуками. Я не знаю, хватит ли у меня сил, чтобы совершить еще одно путешествие.

– О чем ты говоришь?! – изумился Рэйф. – Ты не выглядишь больным!

– Говори тише, – попросил король, оглядывая холл. – Никто не знает о моей болезни, кроме главного врача, дона Артуро и вот теперь тебя. Я хочу держать это в секрете как можно дольше.

Рэйф, открыв рот, недоверчиво смотрел на отца. Он с трудом обрел голос:

– Мама знает?

– Нет. Слава богу, нет, – прошептал отец. – Я не хочу, чтобы она волновалась раньше времени.

– А в чем проблема? Доктор знает, что это за болезнь?

– Что-то связанное с желудком. Возможно, рак.

– О господи! – ошеломленно воскликнул Рэйф. – Как это могло случиться? Ты никогда в жизни не болел! Доктор уверен, что это рак?

– Абсолютно уверен. Рэйф, сейчас самое главное – привести в порядок наши дела. Поэтому ты выбрал не самое подходящее время устраивать забастовку.

Рэйф был потрясен. Пытаясь разглядеть признаки болезни, он пристально всматривался в лицо отца. Его дубленая солнцем кожа была туго натянута на скулах, под глазами лежали тени, словно он провел много бессонных ночей.

Он не мог в это поверить. Отец всегда казался ему неуязвимым и бессмертным, как бог.

– У тебя что-нибудь болит?

– Нет, пока я не ем.

– Отец, почему ты мне первому не рассказал об этом, вместо того чтобы загонять меня в угол, как сделал это сегодня? Я очень сожалею, что не сдержался...

– Я не хотел, чтобы ты знал. Тебе предстоит много забот, особенно если на твои плечи свалится полмиллиона населения. – Король сжал плечо сына. – Возможно, я вел себя сегодня слишком властно, но я хочу, чтобы ты женился. И не только ради королевства и семьи, но и ради тебя самого. Мне небезразлично, как сложится твоя жизнь.

Рэйф молчал.

– Ты начинаешь хотеть, чтобы кто-то был рядом с тобой, когда на тебя сваливается беда. Скажу откровенно, я бы не протянул долго, если бы не твоя мать.

Рэйф не мог больше этого выносить и уставился взглядом в пол, чувствуя, как к горлу подступает комок. Он боялся расплакаться как ребенок.

– Да, отец, – пробормотал он. Теперь, когда он узнал правду, он не мог не уступить желанию отца. Не настолько же он бессердечен. Раз он должен жениться, значит, так тому и быть, хотя для него это равносильно смерти. – Я сделаю так, как ты просишь. Но я боюсь, отец, что другой такой женщины, как моя мать, в мире не существует.

Отец неожиданно улыбнулся. «Он еще может улыбаться перед лицом смерти», – с благоговейным страхом подумал Рэйф. Король ласково похлопал его по спине.

– В этом ты прав, – сказал он. – Пойдем. Нам еще надо обсудить кое-какие детали.

Лазар обнял сына за плечи и подтолкнул к лестнице, ведущей в зал совещаний.

– Не расстраивайся, сын, все будет хорошо. Дон Артуро подготовит тебя к предстоящей жизни.

Если когда-нибудь он станет хоть чуть-чуть походить на отца, то можно будет сказать, что его жизнь состоялась, думал Рэйф, все еще не в силах оправиться от шока. Его ум отказывался понимать, что отец может скоро умереть.

Возможно, поэтому его мысли приняли другое направление. Необходимо заставить врачей проверить, не пытались ли отца отравить.

Но с другой стороны, если бы имело место отравление, его отец не принял бы диагноз «рак желудка». Кроме того, кто посмеет отравить великого короля Лазара ди Фиори, надежду и опору Асенсьона? Его величество был любим и уважаем своим народом.

Рэйф принял решение: он навестит королевского врача и потребует, чтобы тот обрисовал ему ситуацию. Он так же твердо решил послать собственного шеф-повара на корабль, на котором отплывает его семья, так как был уверен, что этому человеку можно доверять. И кроме всего прочего, он перед отплытием заменит все запасы провианта и поставит у корабля охрану.

К счастью, он знал, что если его отцу в плавании будет угрожать опасность, то под крышей Дариуса в Испании он может не бояться за свою жизнь. Свирепый и беспощадный муж сестры был сторожевым псом королевской семьи, и именно он помог отогнать наполеоновскую армию от берегов Асенсьона в тот судьбоносный день десять лет назад.

И действительно, в минуту опасности они сразу спланировали свои ряды, и это делало их непобедимыми. Рэйф решил, что будет выбирать себе жену именно по этому принципу. Ему нужен человек, которому он мог бы доверять.

Теперь Рэйф занял свое место за столом с серьезным и мрачным выражением лица. Он коротко извинился перед членами совета за свою вспышку.

– Мой сын и я пошли на компромисс, – начал король, откашлявшись. – Рафаэль согласился остановиться к моему возвращению на одной из молодых дам, которых мы выбрали для него. Тогда же состоится и свадьба. Я не вижу причин заставлять его принимать решение прямо сейчас. Поспешность может привести к тому, что он сделает выбор, о котором будет жалеть всю оставшуюся жизнь. Тем более что у принца сейчас и без того много забот, в чем, я уверен, вы со мной согласитесь.

Советники короля хмуро кивнули, соглашаясь.

Настало время доказать всем, что они его недооценивали. Бледный от волнения, с сильно бьющимся сердцем, он взялся изучать документы, переданные ему кузеном. Рэйф листал страницы, чувствуя себя школьником, который не выучил заданный урок. Глубоко вздохнув, он поднял голову.

– Итак, синьоры, – стараясь скрыть нервозность, спросил он, – с чего мы начнем?

Дон Артуро хитро прищурился:

– А с чего бы вы хотели начать, ваше высочество?

Рэйф не сразу нашелся что ответить. Эти первые секунды полной монархической власти были похожи на ни с чем не сравнимое ощущение наездника на гордом скакуне, готовом взять препятствие, а наездник должен помочь ему это препятствие преодолеть. Волнующее, головокружительное, опьяняющее чувство! Но годы беспощадной муштры основательно подготовили его именно для этого момента, и учение пошло ему на пользу.

Когда он заговорил, его голос был твердым и властным:

– Давайте начнем с вопроса о засухе. Как обстоят дела с запасами воды в городе? Как скоро мы можем провести дополнительные ирригационные каналы, чтобы обеспечить водой зерновые фермы, расположенные в низинах?

Министр сельского хозяйства поднял палец, прося слова.

Рэйф, совсем уже успокоившийся, слушал его очень внимательно. Краем глаза он заметил, что отец опустил голову, пряча улыбку.

Глава 4

Дэни разбудил солнечный луч, скользящий по потертому миткалевому балдахину, который давно уже служил ей сеткой от назойливых мух. Луч осветил поблекшие краски старой мебели и грязные, давно не штукатуренные стены. Она поморщилась от жгучей боли в руке и, закрыв глаза, стала вспоминать события прошедшей ночи.

Накануне вечером она ездила в деревню, где жила семья Габбиано, и сообщила их матери о том, что случилось с ее сыновьями. Испытывая страх за своих друзей, мучаясь от боли в руке, она пыталась вспомнить каждое слово, которым обменивалась с принцем Рафаэлем, и поэтому почти не спала и совсем не отдохнула, хотя впереди ее ждал тяжелый день.

Сегодня она основательно подготовится к тому, чтобы Всадник-в-Маске смог вызволить из тюрьмы своих друзей.

Зная, что скоро приедет синьора Габбиано – они договорились вместе отправиться в город, – Дэни потеряла слезящиеся от бессонницы глаза, протяжно зевнула, села в постели и наконец с трудом заставила себя встать. Прежде чем осмотреть свою руку, она должна выпить чашечку кофе. В накинутом поверх ночной рубашки халате она спустилась вниз и, почувствовав запах кофе, распространившийся по первому этажу, поблагодарила Марию.

«Крепкий кофе – это все, что мне сейчас нужно для счастья», – думала она, садясь за стол, где ее ждала маленькая чашечка горячего ароматного напитка.

В открытое на кухне окно задувал свежий легкий ветерок. Он доносил до нее отдаленный запах моря и острый аромат дикой мяты, которая росла во дворе среди сорняков. Этот запах напоминал ей о Рэйфе, его мятных лепешках,

манящих губах, золоте его волос.

Дэни нахмурилась и сделала еще один глоток. Она пожалела, что была с ним так откровенна. Какой же она была душой! Однако, заметив в его глазах жалость, она сделала все, чтобы его мнение о ней изменилось.

Она вдруг вспомнила о его приглашении на бал. Но разве могла она веселиться, зная, что ее друзья попали в беду? Вчера вечером ее ослепил его внешний вид, очарование и та доброта, которую он проявил по отношению к дедушке, и поэтому она не в состоянии была трезво рассуждать, но сегодня, при ясном свете утра, его настойчивое желание непременно видеть ее у себя на дне рождения показалось ей весьма и весьма странным.

А его предложение прислать за ней карету? Он даже не вспомнил о том, что молодую девушку на бал должна сопровождать пожилая дама. Он просто заявил, что передаст ее в руки одной из его знакомых женщин, чтобы та одолжила ей свое платье и помогла одеться. Боже милосердный! Зная его репутацию, невольно задашься вопросом: чем вызвана такая щедрость?

Впрочем, она тут же отмахнулась от своих подозрений. Он просто привык к красавицам, одетым по последней моде, и к сиянию роскошных бриллиантов. Такой мужчина, как он, не захочет видеть у себя в доме рыжеволосую девчонку с мальчишескими замашками – и слава богу. Перед этим сладкоречивым дьяволом с лицом ангела и зелеными глазами с поволокой никто не сможет устоять.

В это время дверь, ведущая из сада на кухню, открылась, и вошел дедушка. Дэни весьма удивилась: она никак не ожидала, что он встанет в такую рань.

– Доброе утро, моя дорогая! – весело поприветствовал он ее.

Она улыбнулась ему, переполненная радостью, что сегодня он в ясном уме, хотя бы в это утро.

– Как ты себя чувствуешь, дедушка?

– Превосходно, моя дорогая, превосходно! – ответил он бодрым голосом, и его морщинистое лицо просияло улыбкой. – Я немного прогулялся по свежему воздуху и думал о принце Рафаэле. Какой прекрасный молодой человек, а, Дэни?

Внучка скептически посмотрела на него, но решила не противоречить. Старик выглядел счастливым, и она должна быть благодарна принцу за то, что на лице дедушки появилась улыбка; она не будет портить ему настроение. У них так редко бывают гости.

– Почему ты не хочешь, чтобы он за тобой ухаживал?

– Дедушка!

Он засмеялся и погладил ее по голове.

– А почему бы и нет? Ты пререкалась с ним, потому что он не такой, как мы все, кем ты привыкла командовать. Но это не значит, что он не позаботится о тебе.

– Тебе хорошо известно, что я сама могу о себе позаботиться. – Дэни с упреком посмотрела на дедушку и отпила кофе. – К тому же я никем здесь не командую.

Дед засмеялся и вышел в сад.

Когда он ушел, Дэни поднялась в спальню, чтобы одеться для поездки в город. Она надела свое лучшее платье из белого хлопка с цветочным рисунком. У него были короткие, фонариком, рукава, которые, к сожалению, не прикрывали забинтованную выше локтя руку. Ей пришлось сменить его на платье с длинными рукавами из вылинявшего голубого шелка. Представив себе, как ей будет жарко в этом платье, Дэни застонала. После того как Мария помогла заплести ей косу и уложить короной вокруг головы, Дэни осталось только надеть шляпку и взять перчатки.

Несколько минут ушло у нее на то, чтобы уложить все необходимое для спасения ее друзей в большой мешок, и тут она услышала грохот повозки. Похоже, это приехала синьора Габбиано. Дэни быстро проверила содержимое мешка: три обмазанные глиной бомбы, которые она сделала только вчера, каждая величиной с ее кулак. Эти бомбы она аккуратно завернула в костюм для

верховой езды. Кремень, чтобы поджечь их, большой моток пеньковой веревки, обмотанная тряпками шпага и сапоги со шпорами. Она положила туда же свою маску из черного атласа и завязала мешок. Стоя перед зеркалом, она надела шляпку, завязала под подбородком ленточки, натянула перчатки, взяла мешок и спустилась вниз.

Здесь ее ждала коренастая пожилая крестьянка, синьора Габбиано. Мария проводила их во двор. Пока Дэни укладывала в повозку мешок и седло, пожилые женщины о чем-то шептались, с тревогой поглядывая на нее. Наконец Дэни привязала к повозке своего игривого гнедого коня, и на этом все приготовления к опасному мероприятию были закончены.

Все эти действия разбередили рану. Боль была такой сильной, что у Дэни закружилась голова. Но она все-таки взобралась на козлы и устроилась рядом с синьорой Габбиано.

– Друг Матео, Паоло, будет ждать меня и мальчиков в своей лодке, чтобы отвезти на материк, – сказала синьора Габбиано, как только повозка тронулась.

Дэни кивнула, стараясь не думать, что ей придется расстаться с ними, особенно с маленьким мошенником Джанни и с Матео, который на протяжении многих лет был ее закадычным другом. Но она не стала говорить о своей печали.

– У меня с собой бомбы, – проговорила Дэни. – Если охранники позволят мне вместе с вами навестить мальчиков, я передам им эти взрывные устройства, и тогда ваши сыновья наверняка сумеют выбраться из тюрьмы.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, синьорита, – вздохнула несчастная мать и стегнула серую в яблоках кобылу. Дэни промолчала, понимая, что синьора Габбиано считает ее виновной в том, что случилось с мальчиками, хотя та не обмолвилась об этом ни словом.

Двигаясь к городу по королевской дороге, они увидели всадника, скакавшего им навстречу.

Сердце Дэни упало, когда она узнала графа Бульбати. Граф был настолько тучен, что несчастная лошадь с трудом выдерживала его вес. Бульбати выглядел, как всегда, смешным в пышном наряде с многочисленными бантами.

– Нам остановиться? – спросила синьора Габбиано, чуть не упав в обморок от страха.

– Нет, не стоит. Может, он куда-нибудь спешит и у него нет времени для болтовни?

– Скорее всего он едет именно к нам, – последовал ответ.

– Синьорита Даниэла! Как хорошо, что мы встретились, моя дорогая соседка! – воскликнул этот жирный боров, свесившись с лошади, отчего та даже присела на передние ноги.

– Доброе утро. Я вижу, вы куда-то спешите...

– Я провожу вас, синьорита, ради вашей же безопасности.

Граф круто развернул лошадь и поехал рядом с повозкой. Обильный пот заливал его круглое розовощекое лицо. У него были маленькие коричневые глазки, вечно хитро прищуренные, и толстые красные губы, которые Дэни видеть не могла, так как он без конца их облизывал, когда крутился возле нее как кот вокруг сметаны.

– Моей безопасности? – переспросила она, героически стараясь придать своему голосу заинтересованность, а на лицо наклеить маску любезности.

– Синьорита Даниэла, я слышал, что вчера ночью солдаты устроили облаву на ваших землях и этих мерзких бандитов, которые целых полгода мучили нас, наконец арестовали! – Он замолчал и внимательно оглядел синьору Габбиано. – Господи, да это же мать тех самых разбойников! Любезная, вы плохо их воспитали. «Подвиги» ваших сыновей потрясли всю страну.

«А что ты скажешь о своих делишках, ты, продажная свинья?!» – чуть не выпалила Дэни, но вовремя спохватилась: если она разозлит его, то тем самым весьма осложнит свою жизнь.

– Совсем наоборот, граф, – язвительно проговорила она, – бандиты они или не бандиты – это еще надо доказать. – Но зато все прекрасно знают, что они

отнимают золото у богатых и делят свою добычу с бедняками.

– Осмелюсь сказать, герцогиня, что если бы вы принадлежали к числу богатых, то не считали бы их такими уж благородными. Я слышал, что их главарь все еще на свободе. Хотелось бы мне знать, кто такой этот Всадник-в-Маске? – заявил он, бросив на нее пронизательный взгляд.

Она вздрогнула, по спине ее пробежал холодок. Бывали минуты, когда ей казалось, что граф Бульбати вычислил ее и теперь играет с ней как кошка с мышью, чтобы в один прекрасный момент загнать ее в угол.

– Я знаю, – небрежно произнесла она, – что вы добрый человек и поэтому проявляете заботу обо мне, но мой дедушка и я пока не подвергались нападению...

– Говорят, что принц Рафаэль был вчера у вас, – прервал он ее; в его маленьких глазках сквозила ревность.

– Совершенно верно, – подтвердила она холодно, с трудом сдерживаясь, чтобы не наговорить ему грубостей. – Его высочество командовал отрядом солдат, посланных на поимку бандитов.

Бульбати склонился к ней, и седло заскрипело под тяжестью его веса.

– Этот негодяй делал вам какие-нибудь неподобающие предложения, герцогиня?

– Конечно, нет, и позвольте напомнить вам, что вы говорите о будущем короле Асенсьона. – Дэни смерила графа ледяным взглядом.

Бульбати, похоже, удовлетворил ее ответ. Он выпрямился в седле и хитро взглянул на нее.

– Я получил из города новости, которые вас удивят.

Дэни ждала продолжения, но графу, казалось, доставляло удовольствие ее мучить.

– Вам не любопытно? – поинтересовался он, в очередной раз облизав свои отвратительные красные губы.

Дэни отвернулась, чтобы скрыть отвращение.

– Ну и какие же у вас новости, граф? – спросила она равнодушно.

– Так и быть, я расскажу вам. Сегодня утром без предварительного оповещения его величество уехал отдыхать вместе с королевой и маленьким Лео. На время его отсутствия этот негодяй назначен принцем-регентом.

Дэни резко обернулась и уставилась на него, чувствуя себя так, словно ее в живот лягнул мул.

– Вы в этом уверены? – с трудом выдавила она из себя.

– Весь остров только об этом и говорит.

Дэни и синьора Габбиано обменялись испуганными взглядами. Переход всей власти к принцу Рафаэлю означал гибель мальчиков.

Дэни заметила, как глаза Бульбати вспыхнули жадным блеском, и сразу представила, как он наслаждается звоном золотых монет. Граф задумчиво смотрел вдаль и наверняка думал о том, что теперь он и другие, ему подобные, смогут творить все, что им заблагорассудится, и никто не накажет их за это, а королевский шалопай, сидящий на троне, просто не в состоянии будет за всем уследить.

Без короля Лазара в Асенсьоне воцарится хаос.

– Куда, говорите, вы держите путь? – спросил Бульбати, врываясь в ее мысли.

– Я вам ничего не говорила, – буркнула Дэни. Стоит ли посвящать его в свои дела? Сейчас они находились недалеко от дома графа.

– Я это спрашиваю не из праздного любопытства, – произнес он с упреком. – Просто как хороший христианин и ваш добрый сосед я беспокоюсь о вашей безопасности.

– Я еду в город, – неохотно ответила Дэни.

– А зачем? Вы же ненавидите город, моя дорогая.

– Это связано с благотворительностью. Я хочу проведать бедняков. Не хотите ли присоединиться ко мне?

Он посмотрел на часы.

– Как летит время! Мне пора возвращаться домой. Меня ждет ленч. Не желаете ли составить мне компанию?

– Спасибо, граф, но мы спешим. Наслаждайтесь вашими чудесными пирожными сами.

– О да, да. – Его глазки заблестели.

Они распрощались, и женщины, посмеиваясь, наблюдали, как он неуклюже повернул свою многострадальную лошадь на дорогу, ведущую к дому. Синьора Габбиано покачала головой, стегнула кобылу, и они продолжили путь.

Время близилось к полудню, солнце стояло в зените, когда их тяжелая повозка въехала на запруженные народом улицы Белфорта. Дэни не терпелось поскорее добраться до тюрьмы и передать мальчикам бомбы, которые она заблаговременно рассовала по карманам. Только так она могла пронести их в тюрьму. В одной из бомб было достаточно пороха, чтобы взорвать стену камеры, где сидели ее друзья.

Они достигли площади, когда кафедральные колокола начали созывать народ к полуденной мессе, но сквозь их перезвон Дэни услышала стук молотков. Она посмотрела в ту сторону и увидела, что прямо посередине площади мужчины сколачивают виселицу. Дэни обмерла, и по ее спине, несмотря на жару, потек холодный пот.

Здесь толпился народ, обмениваясь новостями о захвате банды Всадника-в-Маске и приходе принца Рафаэля к власти. В воздухе витало напряжение. Старики с суровыми, продубленными лицами, в шляпах с широкими полями собирались в группы и, попыхивая трубками, обсуждали последние события. Женщины спешили в церковь на мессу. Дети, пронзительно крича, сражались на палках, которые использовали как шпаги. За водой стояла длинная очередь, ее под присмотром солдат выдавали из расчета три кувшина на каждый дом.

Лоточники продавали красный перец, цукини, апельсины, абрикосы и виноград. Старуха торговала цветами из корзины, привязанной к спине осла. По четырем улицам, ведущим к площади, грохотали кареты, лошади стучали копытами по булыжной мостовой, но сквозь этот грохот был слышен стук молотков плотников, строивших эшафот для ее друзей, а если ее поймают, то и для нее тоже.

Синьора Габбиано и Дэни обменялись тревожными взглядами и продолжили свой путь к прокатной конюшне, которой владел зять вдовы. Они оставили там повозку и коня Дэни. Затем, взявшись за руки, женщины твердым шагом направились к тюрьме, ловя краем уха разговоры в толпе о том, что, без всякого сомнения, Всадник-в-Маске придет спасти своих друзей. Некоторые клялись, что не уйдут с площади до тех пор, пока собственными глазами не увидят знаменитых разбойников на виселице.

Дэни трепетала от страха, слыша подобные реплики, но сейчас у нее была цель – спасти своих друзей, и поэтому она старалась не слушать криков возмущенной толпы.

Переходя одну из шумных улиц, они чуть не попали под колеса огромного дребезжащего фургона, который вез актеров для увеселения принца Рафаэля. Судя по всему, бал, устраиваемый в честь дня рождения принца-регента, будет самым безнравственным из всех, которые когда-либо видел остров, тем более если учесть, что король Лазар подарил сыну на день рождения безграничную власть.

Наконец обе женщины подошли к воротам центральной тюрьмы Белфорта. Они объяснили солдатам, стоявшим на карауле, цель своего посещения, и их пропустили в мрачный вестибюль, в конце которого виднелась дверь в кабинет начальника тюрьмы.

Говорила с ним синьора Габбиано, а Дэни стояла рядом, стараясь выглядеть застенчивой и робкой, хотя спрятанные в карманах бомбы жгли ей тело. Ее сердце бешено колотилось, и к горлу подкатывала тошнота. Она не могла поверить, что ей удалось проникнуть в самое сердце тюрьмы, в то время как сотни солдат прочесывали округу в поисках Всадника-в-Маске.

– Хорошо, хорошо, вы можете повидаться с ними, – сказал наконец начальник тюрьмы, отгоняя муху, которая докучала ему. Он повел их по мрачному сырому коридору, и вскоре они оказались перед стальной дверью с маленьким зарешеченным окошком. – Не больше десяти минут, – проворчал он, впуская их в камеру, и захлопнул за ними дверь.

Дэни стояла в сторонке, пока синьора Габбиано со слезами на глазах по очереди обнимала своих сыновей. Очки бедного Алви разбились, а одежда Рокко была вся изодрана. Дэни поняла, что тюремщики забрали его одежду и дали взамен какие-то лохмотья. Рокко, однако, старался сохранять спокойствие. Матео же, наоборот, кипел от негодования. Впрочем, все мальчики были на редкость молчаливы.

– А где же мой Джанни? – внезапно опомнившись, спросила синьора Габбиано. – Где мой бамбино? Я хочу его видеть.

Ее старшие сыновья старались не встречаться с ней взглядом.

– Что здесь происходит? Где Джанни? Скажите мне, что случилось?! – закричала, рыдая, женщина, которой материнское чутье подсказывало, что произошло что-то неладное. – Что они сделали с моим ребенком?

Дэни и синьора Габбиано пришли в ужас, когда Матео сообщил им, что накануне вечером пришел какой-то человек и забрал малыша.

– Кто это был? – взволнованно спросила Дэни.

– Я не знаю его имени. Я никогда прежде его не видел. Он молодой, и начальник тюрьмы обращался к нему «синьор». Он сказал нам, что пришел сюда по приказу принца. Мне кажется, он один из друзей принца Рафаэля.

– Значит, Джанни освободили? – решила уточнить Дэни.

– Нет. Этот человек дал нам понять, что пока мы не выдадим им Всадника-в-Маске, Джанни мы не увидим.

Дэни похолодела. Ей казалось, что камера стала меньше и ее стены смыкаются над ней. Она не могла заставить себя пошевелить даже пальцем, а синьора Габбиано продолжала рыдать и требовать, чтобы ей вернули ее ребенка.

Дэни была потрясена. Она даже не предполагала, что может столкнуться с подобной ситуацией.

Она просила принца Рафаэля спасти ребенка, но и представить себе не могла, что он заберет Джанни и сделает его заложником до тех пор, пока не будет установлена личность Всадника-в-Маске. Он был хитрее, чем она считала до сих пор, и намного безжалостнее.

Синьора Габбиано билась в истерике в руках Рокко.

– Куда они его забрали? – взволнованно спросила Дэни.

– Я точно не знаю, – ответил Матео, – но думаю, что туда. – Он ткнул пальцем на окно.

Взгляд Дэни проследовал в том направлении. словно во сне она подошла к окну и посмотрела в него, а мальчишки тем временем продолжали утешать свою мать.

Из окна она увидела виселицу на площади и солдат, сдерживающих натиск толпы. Поверх деревьев виднелись остроконечные шпиль Дворца удовольствий принца Рафаэля.

Сердце Дэни ожесточилось.

«Я объявляю тебе войну, Рафаэль ди Фиори!»

Встав так, чтобы ее не могли увидеть сквозь маленькое окошко тюремной камеры, Дэни попросила мальчиков отвернуться и, задрав юбки, достала бомбы и все прочее, необходимое для побега. Затем отвела Матео в сторонку.

– Когда наступит полночь, воспользуйтесь этим, – шепотом приказала она другу. – Подложи бомбы под подоконник и, когда кафедральные колокола пробьют двенадцать, запали фитили. Переверните этот стол и спрячьтесь за ним, чтобы уберечься от взрыва. С помощью этой веревки спуститесь вниз. Я постараюсь отвлечь внимание солдат, а ваша мать будет ждать вас в повозке. На берегу вас встретит Паоло, он отвезет вас на материк. Я дам вашей матери золото, чтобы с его помощью вы смогли отправиться в Неаполь к вашей родне.

– А как быть с братом? – спросил Матео, пряча бомбы под соломой. – Мы не можем бежать без него.

– Я вызволю его, – заявила она решительно, глядя в окно на дворец.

– Нет, не смей! – сердито прошептал Матео. – Ты вообще не должна была появляться здесь, Дэни! Ведь они охотятся за тобой!

– Я должна это сделать, – проговорила Дэни, избегая встречаться взглядом с Матео. – Я заварила кашу, мне ее и расхлебывать.

Матео пытался ее переубедить и даже прочитал целую лекцию на эту тему покровительственным тоном старшего брата, но Дэни его не слушала. Она решила отомстить своему врагу.

Вчера на королевской дороге она чувствовала себя как рыба в воде, пока неожиданно не столкнулась с принцем Рафаэлем.

Сегодня она отправится в его мир, полный блеска и греха.

Она пойдет на этот бал.

Послеполуденные тени сгущались на мраморном полу маленькой галереи, где затаился Орландо, он внимательно прислушивался к разговору в соседней

комнате.

– Я уже говорил вам, ваше высочество, что я пять раз брал у короля анализы, пытаюсь обнаружить в крови яд, и хотя все симптомы отравления были налицо, могу с полной ответственностью утверждать, что яда мы не нашли ни в еде, ни в питье, которое подают королю, – заикаясь от страха, лепетал королевский лекарь.

– Откуда мне знать, могу ли я вам доверять? Если у моего отца есть враги, то как я могу быть уверен, что вы не принадлежите к одному из них?

– Вы подозреваете заговор, ваше высочество? – в замешательстве спросил лекарь. – Вы обвиняете меня?

Орландо с интересом ждал, что ответит на этот вопрос принц, но Рафаэль молчал.

– Поживем – увидим. Я забираю с собой ваши медицинские заключения, чтобы показать их другим врачам, – наконец произнес он.

– Воля ваша, ваше высочество. Во всяком случае, я сделал все, что в моих силах. Если бы я знал, как ему помочь...

– Кто еще работал с вами?

– Только доктор Бьянко.

– Где я могу его найти?

– Три месяца назад он ушел в мир иной.

Орландо напрягся, вслушиваясь в наступившую тишину.

– Как он умер?

– Во сне, ваше высочество. У него было слабое сердце.

– Где его записки о состоянии здоровья моего отца? Я хочу их забрать.

– Конечно, ваше высочество. Я поищу их для вас. Вы можете полностью на меня положиться...

Орландо не стал дальше слушать и покинул свой пост, пока принц его не обнаружил.

Проклятие!

После стольких лет тщательной подготовки ему пришлось с горечью признать, что он проиграл. Он не ожидал такого поворота событий. Этого не должно было случиться. В считанные часы все его усилия были сведены к нулю.

Он найдет Кристофоро, пока этого не сделал Рэйф. У него было слишком мало времени, и он должен успеть убрать всех свидетелей.

К счастью, ему удалось изъять записи доктора Бьянко о состоянии здоровья короля, после чего он отправил этого старика, сующего нос не в свои дела, к праотцам. Однако Рэйф был на правильном пути. Но Орландо должен его опередить. Он приказал слуге седлать лошадь.

Его положение могло быть хуже, думал он, выпуская дым и жмурясь на солнце. Король пока жив, но по крайней мере он убрал его со своего пути вместе с этим докучливым, похожим на херувима Лео. Остался только Рафаэль, но принц совершенно не волновал Орландо. Игра еще далеко не закончена. К тому же он умеет приспосабливаться, иначе как бы он выжил в том кошмаре, который выпал на его долю?

Когда из конюшни вывели его черного жеребца, Орландо бросил недокуренную сигару в урну с песком, сбежал по ступеням и вскочил в седло. Бросив груму монету, он тронул коня и вскоре, миновав фешенебельные кварталы города, оказался в трущобах, где жили бедняки.

Убедившись, что за ним нет погони, он спешил перед мрачной постройкой, где помещалась таверна с борделем. Он грозно посмотрел на мальчика, прежде чем отдать ему своего коня, затем осторожно вошел в таверну, готовый в любой

момент выхватить нож.

В помещении нечем было дышать, воздух был пропитан потом, табачным дымом, запахом дешевого вина и мочи. Подойдя к бару, Орландо позвал хозяина.

– Кармен работает?

Продолжая вытирать стаканы грязным полотенцем, хозяин оглядел богатую одежду Орландо, встретил его холодный взгляд и нехотя кивнул в сторону узкой лестницы.

– Шестой номер, синьор.

– Спасибо.

Бросив на стойку монету, Орландо направился к лестнице, на ходу приглядываясь к людям, в столь ранний час сидевшим за стаканом вина.

Найдя нужную комнату, он прислушался к звуку голосов за дверью, затем громко постучал затянутым в черную перчатку кулаком.

– Кристофоро! – требовательно позвал он. Возня в комнате прекратилась, и послышалось взволнованное перешептывание. – Одевайся! Немедленно!

Перешептывание стало громче:

– Мне надо идти. Он не любит ждать.

– Но Кристофоро...

– Я должен ему подчиняться, Кармен.

– Почему?

– Ты думаешь, я содержу тебя на одно свое жалованье?

– Отпусти его, Кармен, или я перережу твое хорошенькое горло! – крикнул Орландо, стукнув кулаком в дверь. Он не сомневался, что черноволосая красавица стоит каждого потраченного на нее цента.

– Иду, синьор! – отозвался парень, перекрикивая возмущенные вопли девушки. – Я сейчас буду!

Орландо, подавив нетерпеливый вздох, направился по длинному коридору к лестнице, тяжело ступая черными сапогами по вытертой грязной дорожке. Он ухмылялся, слушая скрипы кроватей, доносившиеся из-за дверей, выходящих в коридор. Через несколько минут его догнал взъерошенный Кристофоро.

За его спиной маячила обнаженная Кармен с роскошными формами и оливковой кожей. На вид ей было лет семнадцать, и Орландо мог с уверенностью сказать, что парень вряд ли когда-нибудь ее удовлетворит. Он послал ей многообещающий взгляд. Она сердито посмотрела на него и захлопнула дверь.

Усмехнувшись, Орландо повернулся к Кристофоро, высокому веснушчатому парню с гривой рыжеватых волос. Его щеки пылали маковым цветом, и, судя по всему, ему было стыдно, что Орландо нашел его в таком месте.

– Прости, что помешал тебе, – с издевкой произнес Орландо. – Насколько я понимаю, у тебя сегодня выходной?

– Да, синьор, – промямлил парень.

– Тогда, следовательно, ты не знаешь, что произошло сегодня утром?

– Нет, синьор.

Орландо с минуту пристально смотрел на него, с трудом сдерживаясь, чтобы тут же не прирезать этого противного мальчишку. Но вместо этого он схватил его за шкуру и поволок к лестнице.

– Его величество король отплыл сегодня в Испанию. К сожалению, должен заметить, что тебя нет в списке корабельной команды. Это расстраивает меня, Крис.

Карие глаза парня широко распахнулись.

– Я не знал, синьор! Я не знал! О господи! Нам ничего не сказали. Откуда мне было знать...

– Заткнись!

Веснушчатое лицо Кристофоро побледнело, из чего Орландо заключил, что парень понимает, какая ему грозит опасность.

– Да, его величество никого не уведомил о своих планах. – Несколько смягчившись, Орландо вынул из-за обшлага кусочек корпии. – К счастью, я нашел выход из положения.

– Спасибо Господу! – с явным облегчением воскликнул парень. – Это не моя вина. Тут уж ничего не поделаешь. Что прикажете делать, сэр? Я сделаю все, только не...

– Спускайся по лестнице, пока я тебя не сбросил с нее! – рявкнул Орландо.

Парень повиновался. Сойдя вниз, он обернулся и посмотрел на Орландо.

– Синьор, вы ведь не причините вреда Кармен?

– Это будет зависеть от тебя, Крис. Ты готов мне помочь? Надеюсь, на этот раз не будет никаких неожиданностей?

– Нет, синьор.

– Хорошо. Тогда давай подумаем, что ты расскажешь премьер-министру о принце Рафаэле, который заплатил тебе, чтобы ты отравил короля Лазара.

Факелы ярко освещали длинную подъездную дорогу, по которой пронесся двухколесный экипаж, запряженный парой резвых белых лошадей, и присоединился к очереди карет, ожидавших, когда настанет их черед высадить гостей у отделанных розовым мрамором ступеней Дворца удовольствий.

Дэни восхищенно рассматривала павлинов, расхаживающих с распущенными хвостами, и оленя-альбиноса, мирно пасущегося на парковой лужайке. Замирая от восторга, она разглядывала фантастические мавританские шпили и бронзовые купола, отливающие золотом на фоне черного звездного неба.

Словно приплыв сюда из арабских сказок, он, по ее разумению, походил на сказочный дворец из карамели. До нее доносились звуки прекрасной музыки, льющейся из окон, воздух казался наэлектризованным из-за царившего среди публики возбуждения.

На лужайке работали жонглеры, плясали шуты, на их треугольных колпаках весело звенели колокольчики. Ночь окутывала ее черным бархатом, над головой простиралось усыпанное алмазами небо, морской ветерок приятно охлаждал лицо.

Она жадно вглядывалась в эту красоту, не в силах подавить девичье любопытство, будоражившее кровь. В такую ночь трудно было настроиться на серьезный лад и помнить о той миссии, которая ее сюда привела.

Выйдя из тюрьмы, она помчалась домой, чтобы раздобыть подходящее средство передвижения для поездки на бал. Дэни легко решила эту проблему, «одолжив» экипаж и лошадей у графа Бульбати. Ее сосед никогда не выезжал ночью, и она надеялась, что он не заметит пропажи. Затем она подновила одно из платьев, которое, по ее мнению, могло сойти за бальный наряд.

Узкий лиф платья был сшит из легкого голубого шелка. От высокой талии спускалась юбка, сшитая так, чтобы спереди можно было видеть белую нижнюю юбку, расшитую по подолу розовыми цветочками. Дэни знала, что этот фасон давно вышел из моды, но платье было еще довольно прочным и, кроме того, у него были длинные рукава, закрывавшие повязку на раненой руке, а нижняя юбка скрывала костюм, который она надела для выполнения намеченной цели.

Сначала ей следовало извлечь Джанни из дворца принца, а потом бежать на площадь и поднять там шум, отвлекая внимание солдат от тюрьмы, чтобы Матео с братьями могли взорвать камеру. Ей надо будет где-то снять платье, надеть черную рубашку, жилет, маску, нацепить шпагу и вскочить на коня, так чтобы ее никто не заметил.

Дэни обратила внимание, что некоторые гости были в маскарадных костюмах. Она была рада, что захватила с собой голубую атласную полумаску под цвет платья. Это поможет ей затеряться в толпе, потому что только одно может провалить ее тщательно отработанный план – если принц Рафаэль ее узнает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fouli_gelen/derzkaya-razboynica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)